

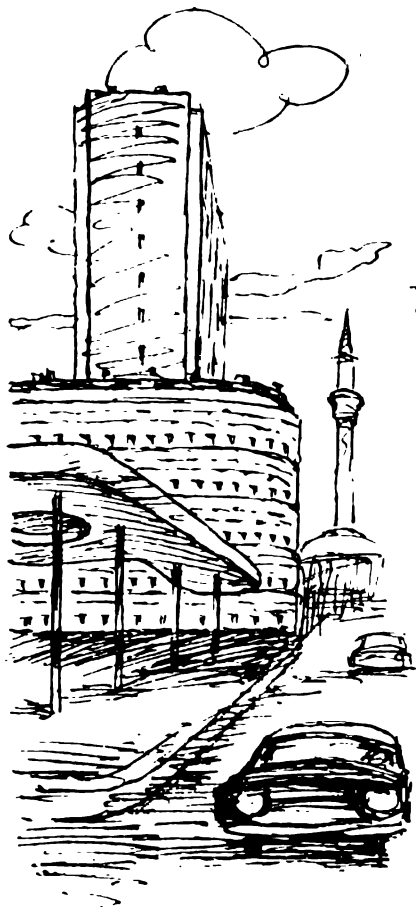
Р. ГЛАНДА

У АРАБОВ АЗИИ

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

Р. Т. Ланда
**У АРАБОВ
АЗИИ**

*Путевые
заметки*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •
ГЛАВНАЯ
РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1969

Ответственный редактор
И. М. СМИЛЯНСКАЯ

Ланда Р. Г.

Л22 У арабов Азии, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969.

118 с. (Серия «Путешествия по странам Востока»)

Путевые очерки «У арабов Азии» рассказывают об увлекательном путешествии в Сирию, Ливан и Ирак — страны древнейшей культуры и редких памятников минувших цивилизаций, разнообразных природных богатств и полуполюгендарного исторического прошлого. Вместе с тем это книга о сегодняшнем дне Арабского Востока, об особенностях жизни, проблемах и чаяниях современных арабов.

ОТ АВТОРА

Арабский мир исключительно своеобразен и самобытен. Кроме того, бурные события последних десятилетий — войны, революции, перевороты и контрперевороты, сопровождаемые ломкой устоявшихся форм социальной жизни, — привлекли к нему пристальное внимание современников. Это обстоятельство определяет ответственность всякого, пусть самого непритязательного рассказа об арабских странах. В настоящее время ответить на все вопросы об арабах и арабском мире весьма сложно в рамках даже очень солидной книги. Тем более это трудно сделать в путевых заметках.

Настоящие очерки возникли из дорожных записей и наблюдений автора во время его поездки по Сирии, Ливану и Ираку в апреле 1967 г. Отсюда — неизбежная фрагментарность и беглость сообщаемых сведений. Природа, архитектура, искусство, городская и сельская жизнь, исторические памятники, культура, быт, внешние и психологические особенности сирийских, ливанских и иракских арабов присутствуют на предлагаемых вниманию читателя страницах в той степени, в какой автору удалось с ними познакомиться. Поэтому данная книга может претендовать лишь на то, чтобы показать некоторые стороны и некоторые особенности жизни стран и народов, о которых идет речь.

Автор побывал в упомянутых странах Арабского Востока за полтора-два месяца до «шестидневной войны» Израиля против ОАР, Сирии и Иордании в июне 1967 г. Личное знакомство автора с настроениями и взглядами представителей самых различных слоев населения Сирии, Ливана и Ирака свидетельствует о том, что при всем отрицательном отношении народов этих стран к сионизму и государству Израиль (что является

в первую очередь следствием печального опыта арабо-еврейских отношений, накопившегося за многие десятилетия в результате разжигания национально-религиозной розни в данном регионе земного шара империалистами и их агентурой) арабы были настроены миролюбиво и не желали войны.

Разумеется, палестинскую проблему и весь комплекс арабо-израильских отношений надо рассматривать исторически, и прежде всего с учетом той провокационно-подстрекательской роли, которую играл в Палестине до второй мировой войны британский империализм, а в послевоенный период — империализм США. В задачу автора не входил анализ всех этих вопросов. Они затронуты только в той мере, в какой это было необходимо для характеристики положения в описываемых странах.

Путевые заметки «У арабов Азии» в известной степени представляют собой продолжение опубликованной в 1967 г. книги очерков «У арабов Африки», написанной по впечатлениям от пребывания в Тунисе, Ливии, Алжире и ОАР. Обе книги сближает единство замысла: показать одновременно общее и специфическое в жизни различных арабских стран и народов, их сходство и непохожесть. Многие ученые-арабисты, а также представители самых различных группировок в арабских странах стремятся всячески подчеркивать общность литературного языка, культуры, исторических судеб и национальных интересов народов арабских стран, их горячее желание объединиться. Сторонники этой точки зрения исходят прежде всего из факта возникновения в прошлом веке и существования в наши дни все более крепнущего движения за арабское единство. В современную эпоху это движение, принимая антиимпериалистическую направленность, тем самым приобретает новое, прогрессивное содержание. Всецело соглашаясь с этим, автор хотел бы также указать на существование наряду с факторами объединяющими серьезных различий между арабскими государствами, в том числе между столь развитыми, как Сирия, Ливан и Ирак. Эти различия, по нашему мнению, определяют сложный, противоречивый и длительный характер процесса цементирования арабского единства. Имея это в виду, автор одновременно вообще стремился обратить внимание читателя на своеобычность и специфичность (далеко не всегда от-

мечаемые) каждой из арабских стран, о которых идет речь ниже.

События в арабском мире развиваются очень стремительно. Учесть все новое и интересное, что произошло там со времени описываемой поездки, в рамках данной книги просто невозможно. Это прежде всего рассказ о том, что довелось увидеть и услышать автору в Сирии, Ливане и Ираке весной 1967 г., о том, какими предстают эти страны перед глазами читавшего о них, но впервые туда попавшего путешественника, и, наконец, чем они нам интересны сегодня.

СИРИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Сирия — сердце Ближнего Востока. С незапамятных времен все государства, существовавшие в этом регионе земного шара, от долины Нила до Ирана, Месопотамии и Малой Азии, тяготели к Сирии, полностью или частично охватывая ее территорию. Список племен и народов, в разное время живших на территории Сирии, завладевавших ею, влиявших на нее в культурном отношении или испытывавших на себе влияние сирийской культуры, почти бесконечен: амориты, хетты, древние египтяне, вавилоняне, ассирийцы, халдеи, финикийцы, арамейцы, персы, античные греки, древние римляне, парфяне, византийцы, западноевропейские пришельцы эпохи крестовых походов, монголы, турки и т. д. В начале VII в. н. э. в Сирию пришли арабы.

Сирия была одной из первых стран Передней Азии, занятых воинственными племенами аравийских бедуинов, и, пожалуй, первой страной Ближнего Востока, наиболее быстро и глубоко ассимилированной арабами. Главный город Сирии Дамаск почти столетие был столицей Арабского халифата, раскинувшегося от Гималаев до Пиренейских гор, и оплотом знаменитой династии Омейядов. С тех пор в Сирии прочно укоренились арабский язык, нравы и обычаи арабов, ислам. Сирия стала одним из очагов средневековой арабской культуры, сыгравшей выдающуюся роль в истории культуры всего человечества. Именно здесь зародилось в прошлом веке (в то время Сирия, Ливан и Палестина составляли единое целое) движение Арабского возрождения, сопровождавшееся новым подъемом культуры, общественной мысли и политической активности всех арабов. Именно Сирия является колыбелью движения за арабское единство, которое привело в наши дни к политическому, идео-

логическому и культурному сближению арабов, их сплочению в борьбе за общие интересы, в первую очередь за освобождение от империалистического гнета.

...Но обо всем этом вспоминаешь либо задолго до поездки в Сирию, либо после возвращения оттуда. А в то время, когда находишься на сирийской земле, думать об этапах истории Сирии некогда. На человека, впервые приехавшего сюда с севера, неизгладимое впечатление производят мягкий здоровый климат Сирии, ее по-весеннему цветущие ландшафты с волнообразными зелеными холмами и причудливыми невысокими горными кряжами на юго-западе, широкими и плоскими равнинами на севере, песками и каменистой твердью пустыни, изредка радующей глаз густой темной зеленью оазисов, на востоке. Природа Сирии, неброская красота ее тихих, сохранивших восточный колорит селений и вполне современных, по-европейски шумных и оживленных городов, величие многочисленных памятников древних цивилизаций, сменявших друг друга на этой земле, очаровывают настолько, что не остается места для книжных сравнений, параллелей и воспоминаний. И все же самое яркое из всех сирийских впечатлений — от встреч с самими сирийцами, в большинстве своем гостеприимными, радушными, внимательными и скромными людьми, исключительно мягкими в обращении.

В ДАМАСКЕ

Спустившись по трапу с самолета, мы буквально попадаем в объятия доктора Нури, веселого и жизнерадостного человека, нашего доброго гения в течение всего времени пребывания в Сирии. Доктор Нури — неутомимый борец за социальный прогресс, гуманность и справедливость, человек, многое повидавший и перетерпевший. Он не только бесплатно лечит бедняков, но и всегда накормит зашедшего к нему в дом голодного пациента. Забрасывая вопросами о Москве, где он неоднократно бывал, доктор выводит нас из здания аэропорта и усаживает в небольшой автомобиль. По дороге он рассказывает нам местные новости, довольно бурно выражая свои эмоции.

Мы едем в город. Становится жарко. По обе сторо-

ны шоссе все — и почва и недавно выстроенные дома — желтовато-серого, песчаного цвета. В сочетании с неторопливыми движениями попадающихся навстречу людей это производит впечатление какой-то монотонности и медлительности. Но это лишь первое и, как почти всегда бывает, обманчивое впечатление. В самом Дамаске, большом современном городе, сплошь застроенном многоэтажными зданиями, в архитектуре которых преобладают новейшие европейские веяния (особенно поражают обилие, разнообразие и необычные формы балконов и лоджий), жизнь бьет ключом: на всех перекрестках идет бойкая торговля, узкие тротуары переполнены прохожими, а улицы — торопливо тудящими многочисленными автомобилями разнообразных марок. И хотя что-то от первого впечатления сохраняется (особенно когда наблюдаешь, как хладнокровно медлительны дамаскинцы перед носом несущейся с большой скоростью автомашины), внимательный наблюдатель сравнительно быстро улавливает подлинный ритм жизни Дамаска: несколько более спокойный, чем, скажем, в европейских столицах, но в целом деловой и полнокровный. Здесь гармонично сочетаются восточная традиция и современные новшества.

Это сочетание можно проследить всюду. В глаза бросается обилие колоритных лавочек, словно затерявшихся среди современных зданий, англо-французские дубли арабских надписей, мусульманские символы на защитной, европейского типа форме сирийских военнослужащих. Кстати, военные в сирийской столице попадают на глаза чаще, чем, например, в Тунисе или даже в Каире. Как мне сказали, это объясняется тремя обстоятельствами: относительной многочисленностью сирийской армии, ее решающей ролью в политической жизни страны после марта 1963 г. и близостью Дамаска к израильской границе.

Большинство сирийских горожанок одеваются по-европейски, но лица у некоторых еще закрыты черной вуалью — хиджабом. Среди мужчин гораздо реже, чем в других арабских странах, можно встретить прохаживающихся с непокрытой головой. При этом многие из них, пренебрегая феской, тюрбаном или шляпой, носят особый головной убор — куфийю, представляющий собой исключительно ближневосточную достопримечатель-

Гора Касиун над Дамаском

ность и не встречающийся у африканских арабов. Это большой белый или клетчатый платок, закрывающий от солнца голову, щеки и шею. Закрепляется он с помощью охватывающего голову толстого жгута — укаля. Укали обычно бывают из темной шерсти; они дважды обвивают голову, но иногда (у тех, кто побогаче) встречаются и тройные, шитые золотом. Нередко укалем называют и весь головной убор. Как правило, его носят бедуины и оседлые крестьяне, а в городе укаль встречается реже.

Отель, в котором мы останавливаемся, называется «Гранада» — в память о существовавшем много столетий назад мусульманском эмирате на юге Испании. Оборудован он, разумеется, вполне по-европейски, обслуживающий персонал говорит по-английски и по-французски. Пока мы были в Дамаске, в вестибюле отеля постоянно толпились представители местной черкесской колонии, желавшие повидать входившего в состав нашей группы товарища из Кабардино-Балкарии. Напротив «Гранады» — лавочка, хозяин которой, восседая за кипами арабских газет и французских журналов, торгует открыт-

ками с лубочными изображениями полулегендарного героя арабского эпоса Антары ибн Шаддада, совершавшего свои бесчисленные подвиги во всех концах известного арабам средневековья мира—от Испании до Индийского океана. Рядом — кинотеатр, в котором демонстрируется египетский фильм об Антаре. Названия всех фильмов, включая американские «вестерны», изображаются пышной арабской вязью. Когда стемнеет, эта же вязь сверкает неоновыми стилизованными буквами на всех зданиях официальных учреждений. В это время Дамаск лучше всего наблюдать с нависшей над ним с севера и северо-запада горы Касиун, на которую надо ехать мимо ярко освещенного здания радио и телевидения, мимо усиленно охраняемого президентского дворца и сравнительно недавно выстроенного «квартала эмигрантов», заселенного, как нам сказали, сирийцами, вернувшимися на родину после долгого пребывания на чужбине, а также арабами, пожелавшими переселиться из других стран в Сирию. Судя по внешнему виду домов, обитатели квартала — люди состоятельные.

С горы Касиун открывается панорама ночного Дамаска. Яркое освещение позволяет определить конфигурацию города: широко раскинувшись в низине, он постепенно распространяется вверх. Поднимающиеся в гору улицы застроены новыми домами своеобразной архитектуры, сочетающей западный модерн в конструкции и восточное богатство декора, с вычурными портиками, крытыми галереями и балконами, как бы опоясывающими здания. В верхней части города живут люди побогаче. Здесь прохладно в самую сильную жару. Но в нижних кварталах живут не только бедняки. Здесь расположена деловая часть столицы, почти все отели (летом, в жаркое время, туристы редко приезжают в Дамаск) и, по сути дела, все исторические памятники и достопримечательности города.

К числу достопримечательностей относятся и 265 мечетей, длинные, круглые в сечении, на турецкий манер, минареты которых возвышаются повсюду. Днем народу в мечетях мало. Вечером, после окончания работы, число посетителей в храмах аллаха возрастает. У ярко освещенного входа в мечеть часто можно наблюдать, как чистильщик, не тратя времени зря, усердно трудится над обувью, оставленной верующими. Иногда кажется, что

Центральная площадь столицы Сирии

мечетей в городе больше, чем на самом деле, так как многие здания, особенно официальные, по своей архитектуре напоминают мечети и медресе, но не местные, а среднеазиатские: такие же высокие, массивные, с огромными порталами.

Пересекающая Дамаск многими рукавами река Барада в черте города мелка и мутна, но за его пределами представляет собой ряд широких и бодро журчащих потоков. Здесь, в благодатной тени садов, прячутся уютные загородные ресторанчики, привлекающие посетителя достижениями арабской кухни, ароматом обильных цветов, звоном впадающих в Барладу ручейков, а глазное — тем ощущением неспешного, чуть ленивого, как говорится, «с чувством, с толком, с расстановкой», проникновенного наслаждения жизнью, которое известно у нас под названием «кейфа». Но, разумеется, наибольшее удовольствие здесь посетитель получает от изощренного искусства местных кулинаров. Нам очень понравилась «мазза» (или «меззе») — многообразная и много-сменная закуска, столь красочно описанная многими путешественниками. «Мазза» — искусно приготовленные, причем в сравнительно небольших количествах, бобы, орехи, овощи, соусы, соленья и т. п., после поглощения которых не нужен уже никакой обед. Это и не мудрено, если учесть, что некоторые варианты «маззы» включают до 30 блюд.

Дамаск расположен в центре огромного оазиса Гута. Здесь на десятки километров тянутся фруктовые сады и оливковые рощи. Журчит сверкающая на солнце вода оросительных каналов. Почва тщательно обработана, ни один клочок земли, ни одна капля воды не пропадают даром. «Говорят, — шутит доктор Нури, — что пророк Мухаммед, побывав в Гуте еще до основания им ислама, был настолько ею восхищен, что свое описание мусульманского рая строил на воспоминаниях о Гуте». Действительно, обилие солнца и влаги, густой зелени, дающей столь ценную в этих местах прохладу, сочность плодов и красота цветов Гуты способны дать человеку поистине райское блаженство.

Мы еще долго вспоминаем Гуту, ее буйное весеннее цветение и яркие краски. В самом Дамаске душно никогда не бывает, тем не менее воздух Гуты не идет ни в какое сравнение с городским. В последующие дни нам

довелось многое повидать в Сирии. Но, пожалуй, нигде, кроме Гуты, нет столь счастливого соединения всех достоинств благодатной сирийской земли.

ПРИМЕТЫ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Проходя по знаменитому рынку Дамаска — суку Хамидийе, трудно не восхищаться замечательным искусством сирийских ремесленников — ткачей, чеканщиков, полировщиков, гончаров, медников, резчиков по дереву. Кажется, что их умелые руки вооружены почти четырехтысячелетним опытом их предшественников, ибо первые упоминания о Дамаске в исторических документах относятся к 19-му столетию до нашей эры. Сирия сегодняшнего дня — наследница и продолжательница лучших традиций духовной и материальной культуры государств и народов, существовавших на ее территории в минувшие века.

Со времен державы Селевкидов и Пальмирского царства до наших дней Сирия и сирийцы играли выдающуюся роль в истории Ближнего Востока. Это осознаешь особенно ясно, когда собственными глазами наблюдаешь жизнь сирийского народа и знакомишься с многочисленными историческими памятниками Сирии.

В национальном музее в Дамаске имеется множество экспонатов (сосуды, фрески, керамика и древние надписи, оружие, предметы обихода, произведения искусства и т. д.), по которым можно проследить различные этапы истории Сирии. Наибольшее впечатление производят сирийско-восточный и греко-римский отделы музея, так как европейские археологические экспедиции на территории Сирии интересовались прежде всего памятниками древнесемитских цивилизаций, а также эпохи эллинизма и владычества Рима. Арабо-исламский отдел музея беднее, так как заезжие историки и археологи меньше внимания уделяли истории сирийских арабов (исключение составляет лишь эпоха Омейядов). Еще менее значителен отдел новейшего времени, который стал пополняться в основном после завоевания независимости в 1945 г.

Рядом с музеем расположено здание древней синагоги, впоследствии превращенной в византийскую церковь. Внутри она покрыта росписью на христианские сюжеты.

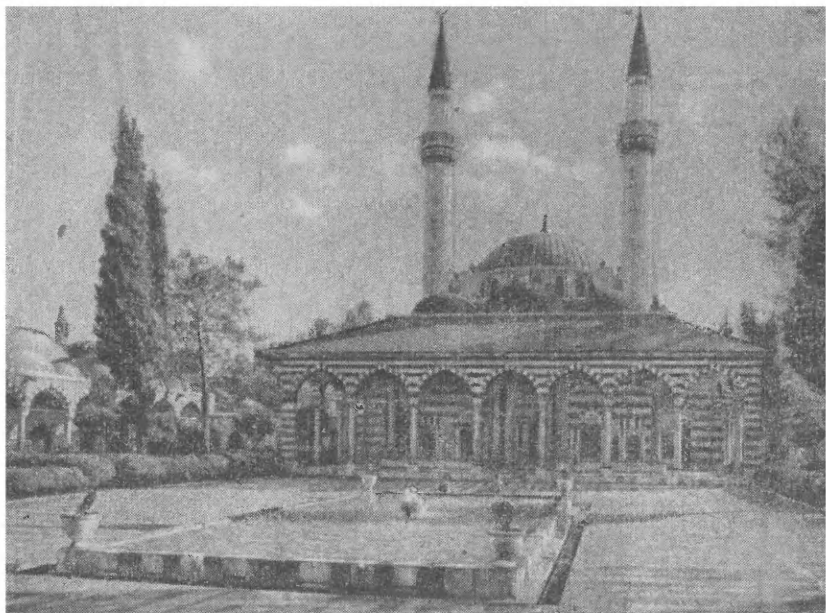

Дамаск. Верхняя часть города

Пустое помещение, когда-то, очевидно, сверкавшее пышным убранством, невольно наводит на грустные мысли о бренности и тленности всего земного.

С памятниками былых времен лучше всего знакомиться не в музеях, а под открытым небом, на руинах и крепостных стенах. Такое знакомство позволяет нагляднее представить путь, пройденный Сирией, и неразрывную связь минувшего и ныне существующего.

Впрочем, то, что прошлое еще врывается в сегодняшний день Сирии, замечаешь сразу по выходе из музея. Рядом с ним расположено текке (дервишский монастырь) Сулейманийе. Копьеподобные минареты и внушительных размеров купола Сулейманийе видны издали и, кроме того, смотрят на вас с туристических открыток и проспектов. Основанное при турках в XVI в. текке ныне помимо своего прямого назначения служит приютом для турецких паломников, направляющихся в Мекку или возвращающихся из нее через Дамаск. В дни их пребывания в городе прилегающие к текке улицы буквально забиты красными автобусами турецкой туристической компании, на местных базарах, в том числе на

Мечеть текке Сулейманийе

суке Хамидийе, появляются надписи на турецком языке, а сами паломники, усталые и небритые, в измятой одежде, бесцельно бродят по набережной реки Барады или скапливаются в предмолитвенные часы в хорошо вымощенном прямоугольном дворе текке перед изящной полосатой мечетью. Проходя в это время через двор, можно видеть, как верующие совершают ритуальное омовение: тесно став у края бассейна, расположенного рядом с мечетью, они моют — кто лицо, кто руки, кто ноги. Вода в бассейне, обычно голубоватая, в эти минуты играет всеми цветами солнечного спектра...

В полутора часах воздушного пути от Дамаска на восток среди песков затеряна Пальмира, некогда столица могучего царства. В лучшие свои времена это царство простиралось от Египта до Малой Азии и представляло собой любопытный симбиоз восточной и древнегреческой цивилизаций. Образованные пальмирцы были двуязычны: они говорили и по-гречески и по-арамейски. В их верованиях сплетались элементы религий античных греков и финикийцев. Пальмирская царица Зенобия, по

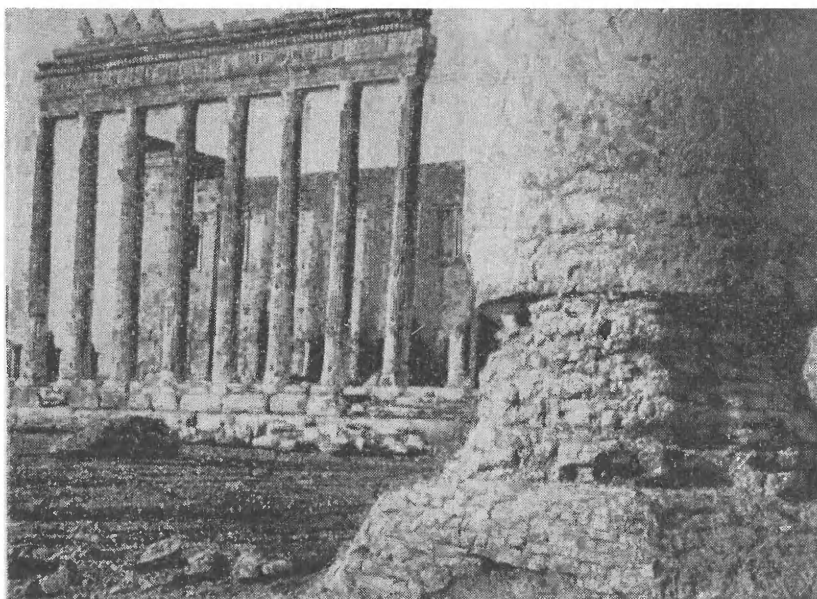
Камни Пальмиры

свидетельству историков, была не только «прекраснее Клеопатры во много раз», но и, «превосходя мужчин мудростью и силой, твердо и достойно руководила своими армиями».

Сейчас, конечно, трудно судить о сельском хозяйстве, ремеслах, водопроводе и системе орошения древней Пальмиры, совершенство которых отмечали историки. Но и сегодня на всякого, кто посетит Пальмиру, неизгладимое впечатление произведут развалины храмов, амфитеатров, величественные колоннады, барельефы надгробий, мозаики и фрески. Сохранились многоэтажные сторожевые башни, служившие одновременно и местом захоронения.

Одна из осмотренных нами башен в 6 этажей имела высоту 30 метров и заключала в себе 350 могил. Они располагались несколькими рядами по этажам в виде ниш, каждая из которых украшалась каменным барельефом с портретным изображением умершего.

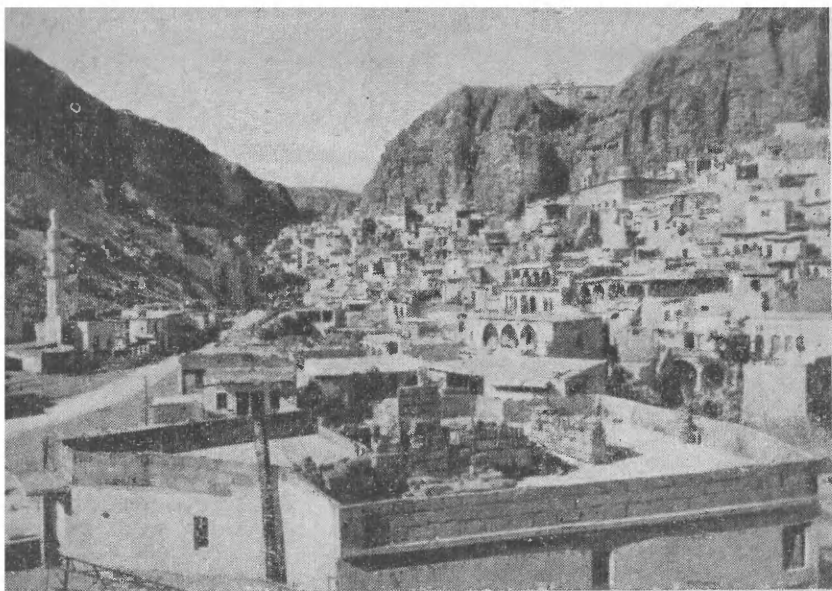
Вообще пальмирцы, очевидно, любили думать о вечности. Недаром они столько внимания уделяли погребению (кроме башен в Пальмире были еще и подземные

Храм в Пальмире

захоронения в виде обширных залов и коридоров, стены которых также представляют собой многоярусные ряды ниш-могил с бюстами умерших). Даже лепные украшения храма Бела (соответствующего финикийскому Баалу), бога солнца и плодородия, выполнены в форме яиц и стрел, которые в древности считались символами жизни и смерти.

Пальмирское царство было сокрушено римлянами. От них здесь мало что осталось. Древнеримские колонны мне пришлось повидать только в Дамаске, в районе, прилегающем к суку Хамидийе. Особенно примечательна римская арка на идущей параллельно суку улице, называемой «прямой» (она так и обозначена на плане Дамаска). Говорят, что на этой улице только копни и наткнешься на какую-нибудь древнеримскую постройку. Но еще больше в Дамаске следов позднеимперской эпохи, связанных с зарождением христианства. На окраине старого христианского квартала (в Сирии помимо греков, армян и христиан всех вероисповеданий, приехавших из Европы, живет немало христиан-арабов) расположен явно реставрированный фрагмент крепостной стены.

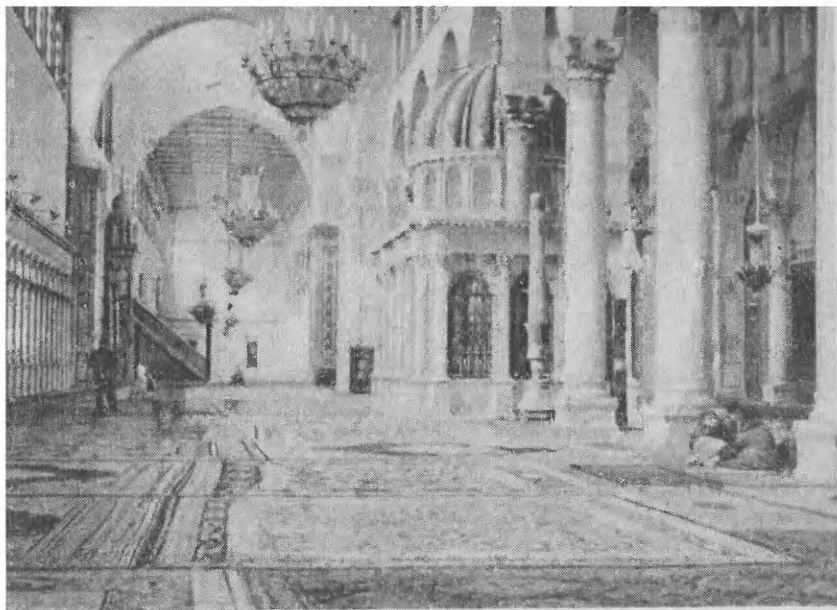

Маалула

Здесь — легендарное «окно святого Павла». По преданию, из этого окна святой Павел спустился по веревке, спасаясь от римлян. Войдя внутрь небольшой часовни, можно вдоволь насмотреться благочестивой живописи, изображающей в деталях, как именно происходило «спасение» святого Павла.

Мест, связанных с библейскими преданиями и прочими христианскими легендами, в Сирии более чем достаточно. Туристам, например, демонстрируют недалеко от Дамаска могилу, в которой якобы покоится убитый Каином Авель.

В 60 километрах к северу от Дамаска врубилось в горы селение Маалула. Его жители — христиане; наряду с арабским языком они продолжают еще пользоваться арамейским, т. е., как написано в путеводителях, «языком, на котором Христос обращался к народу». Маалула очень красива при заходе солнца: плоские крыши домов, возвышаясь одна над другой уступами, образуют как бы хаотическое нагромождение лестничных ступенек, голубеющих на фоне синего неба и золотистой каймы заката

Внутренний вид мечети Омейядов.
В центре — гробница Иоанна Крестителя

на гребне гор. Над селением возвышается древнейший в мире монастырь. Он носит имя одной из первых христианок — святой Феклы. Монастырь стоит у входа в ущелье, через которое согласно легенде Фекла скрылась от преследовавших ее врагов. Жители Маалулы считают Феклу своей покровительницей и высоко ее почитают; в часовенке при монастыре покоятся ее мощи, окруженные полуязыческим поклонением; вода из расположенного рядом источника считается святой, и ей приписываются целебные свойства. Еще выше, на высоте 1600 метров, затерялась в горах обитель святого Сергия — монастырь, выстроенный уже при византийцах, возможно, не в последнюю очередь по военно-стратегическим соображениям, ибо он до сих пор представляет собой идеальный наблюдательный пункт.

Дорога из Дамаска в Маалулу проходит мимо Седнайи, славящейся знаменитым женским монастырем де-вы Марии, возведенным на гигантской скале на высоте 1500 метров над уровнем моря. «Седная» означает на

сирийском наречии арамейского языка «наша госпожа», а также «место охоты». Монастырь был сооружен в 547 г. по повелению византийского императора Юстиниана, который в то время вел войну с персами за сирийские земли. Встав здесь лагерем во время одного из походов, Юстиниан на охоте почти настиг убежавшего от него оленя, который внезапно принял согласно церковной легенде облик девы Марии. В память об этом «чуде» Юстиниан и приказал основать монастырь. Первой настоятельницей монастыря была сестра императора. Надо полагать, что Юстиниан придавал большое значение монастырю прежде всего ввиду его стратегически выгодного расположения на пути из Константинополя в Иерусалим.

Вплоть до настоящего времени Седная является местом паломничества. По словам сирийцев, Седная занимает второе после Иерусалима место на всем Ближнем Востоке по количеству посетителей. Особенно их привлекает небольшая темная комната в верхней части монастыря, вся украшенная старинными иконами в золоченых и серебряных окладах. Из них больше других рекламируется икона богородицы, написанная рукой «самого святого Луки». Уважение иконе, да и всей комнате, оказывается чисто восточное: при входе необходимо снимать обувь, что не практикуется в христианских храмах. Любопытно, что монастырь Седной всегда пользовался уважением не только христиан, но и мусульман. В частности, еще в XII в. его посетила сестра знаменитого египетского султана Саладина (Салах ад-Дина), щедро одарившая монахинь.

Сколь бы ни были богаты и интересны памятники античной и византийской эпох на территории Сирии, они все же занимают скромное место по сравнению с наследием арабской цивилизации. Это наследие во всем: в архитектуре, ремеслах, искусстве, формах быта народа — тесно связано с исламом, появившимся в Сирии вместе с арабами, и его традициями.

В третьем по величине городе Сирии после Дамаска и Халеба — Хомсе — над мавзолеем самого прославленного арабского полководца VII в. Халида ибн аль-Валида воздвигнута мечеть, названная его именем. Хомс известен как место рождения римского императора Элагабала, правившего в 218—222 гг. н. э. Недалеко

от Хомса находится Кадеш, близ которого произошла полупоупендарная битва фараона Рамсеса II с хеттами. И тем не менее каждому сирийцу Хомс известен прежде всего как город, где похоронен Халид ибн аль-Валид, военному таланту которого арабы обязаны очень многими завоеваниями на Ближнем Востоке. Мечеть, носящая имя полководца, выглядит как новенькая. Она является крупнейшим центром мусульманского духовенства Сирии. В одной из ее пристроек расположен «Научный шариатский институт ассоциации улемов».

Наиболее выдающийся памятник арабо-исламской культуры времен Дамасского халифата — известная всему миру мечеть Омейядов в Дамаске, выстроенная в 705—715 гг. Длина ее — 157 метров, ширина — 100 метров. В ней одновременно могут молиться 6 тыс. верующих, но по праздникам, как говорят дамаскинцы, сюда собирается до 13 тыс. человек. Архитектура, внешнее и внутреннее убранство мечети, многоцветная мозаика с позолотой поистине великолепны. Омейяды стремились сделать ее символом мощи халифов и процветания своей столицы. Но примечательна мечеть Омейядов не только этим. Внутри нее находится христианская святыня — гробница Иоанна Крестителя. Любопытно, что верующие мусульмане так же усердно бьют поклоны перед этой гробницей, как и перед михрабом мечети. В этой же связи стоит упомянуть о том, что у мечети три минарета, каждый из которых имеет собственное название: Невесты, Мухаммеда и Иисуса. Последнее имя свидетельствует не столько о веротерпимости мусульман, сколько о многих заимствованиях ислама из христианства, возникшего намного раньше. Иоанн Креститель и Иисус Христос для мусульман — официально признаваемые ими пророки Яхья и Иса, а многие библейские предания полностью или в слегка переработанном виде вошли в Коран. Для данного региона Ближнего Востока подобный синтез верований был даже своего рода традицией: достаточно вспомнить хотя бы упоминавшиеся выше греко-финикийские божества Пальмиры.

Недалеко от мечети Омейядов расположена гробница наводившего ужас на европейцев Саладина, основателя курдской по происхождению династии Айюбидов, который изгнал крестоносцев из Иерусалима. Внутри гробницы — два почти одинаковых саркофага, украшен-

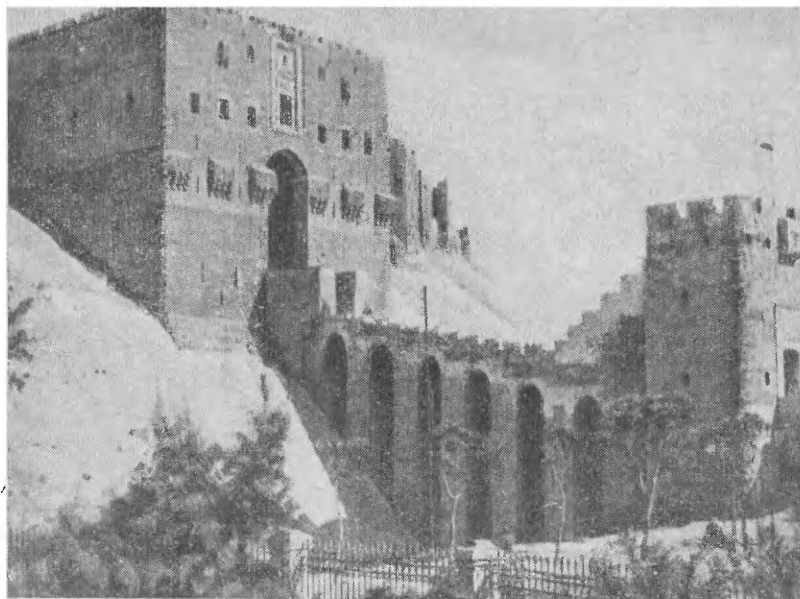

Общий вид Халеба

ных орнаментами и надписями из Корана. Один из них, из белого камня, подарен в 1901 г. германским кайзером Вильгельмом II, претендовавшим на роль «покровителя ислама».

Об эпохе Саладина и его борьбе с крестоносцами некоторое впечатление позволяют составить две огромные средневековые крепости — халебская цитадель и Крак де Шевалье.

Цитадель стоит в центре Халеба (Алеппо) — главного города северной Сирии, возвышаясь над ним на 40 метров. Массивные стены и башни цитадели хорошо сохранились. Они имеют вид мрачный и неприступный. Внешне цитадель несколько напоминает крепость старой Бухары (арк), только более внушительную по размерам и лучше укрепленную. В ней могли укрыться вместе с гарнизоном Халеба 7 тыс. жителей города. На ее территории можно встретить приметы различных эпох и легенд: фрагмент хеттского храма X в. до н. э., маленькую часовню, где, по преданию, библейский Авраам доил козлу, могилу будто бы похороненного здесь святого

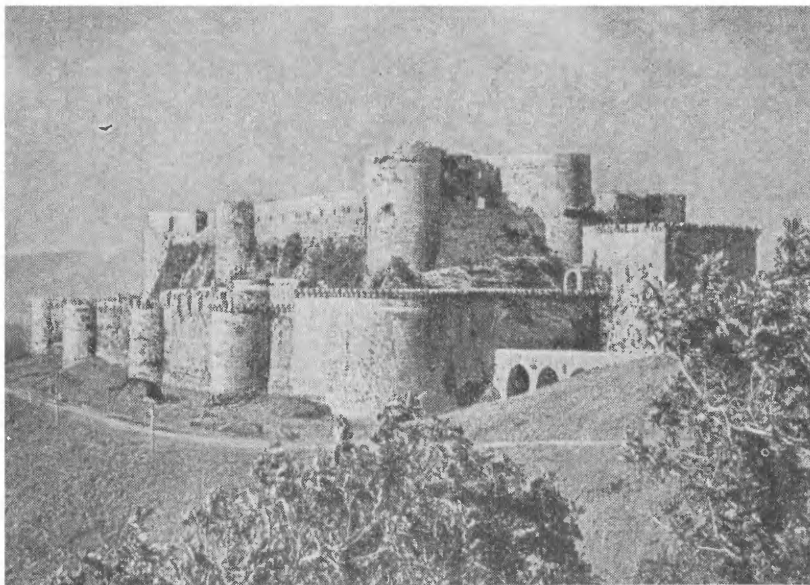
Вход в халебскую цитадель

Георгия, тронный зал реально существовавшего мамлюкского султана Каитбея, выстроенный в XV в., и турецкий зиндан (каменную яму — тюрьму). Однако в основном сохранились сооружения, возведенные в начале XIII в. при сыне Саладина — султанине Аз-Захире: большая мечеть, секретный ход с узкими, не шире 10 сантиметров, бойницами, многочисленные ворота, украшенные изображениями змей и львов (они так и называются — ворота «двух змей», «двух львов», «смеющегося и плачущего львов» и т. д.), глубокий ров, ныне заросший травой. К сожалению, многие ценные детали декоративного убранства помещений цитадели были вывезены из Сирии в период французского мандата. О них напоминают лишь несколько реставрированных фрагментов.

Верхняя площадка цитадели Халеба представляет собой неровное, в ухабах и рытвинах, зеленое поле с остатками каменных построек и грудями ядер для катапульт. Если посмотреть отсюда на Халеб, то кажется, что бросаешь взгляд из средневековья в современность. Даже лес минаретов двух сотен мечетей не скрадывает,

а подчеркивает ультрасовременный характер большинства халебских кварталов. Возможно, город казался бы иным, если бы не цитадель, которая, символизируя и как бы концентрируя прошлое Халеба, по контрасту отчетливо выделяет его молодость и новизну. Гордость Халеба — национальный университет с 30 тыс. студентов. Город полон молодежи, очень современной и по внешнему и по духовному облику (в этом мы убедились, побеседовав с несколькими молодыми халебцами). Однако местные торговцы часто проверяют часы по крику муэдзина ближайшей мечети, а в огромном (12 километров крытых галерей и переулков) лабиринте местного рынка ослы — гораздо более распространенное средство передвижения, чем велосипеды.

Крак де Шевалье («Замок рыцарей») расположен в 60 километрах от Хомса. Дорога туда вьется среди холмов, сплошь покрытых виноградниками, яблонями, оливами, фисташками. Замок расположен высоко (750 метров над уровнем моря). Он считается образцом сохранившихся до наших дней средневековых укреплений. Его круглые башни и зубчатые стены до сих пор имеют весьма грозный вид, а крытые переходы, залы с высокими потолками, сложные полустрельчатые арки и открытые лестницы как бы овеяны романтикой феодальных битв. Легко понять, почему крестоносцам удалось продержаться в этой твердыне свыше 160 лет (с 1110 по 1271 г.). Сюда и сейчас автобус взбирается очень долго, кружа по узкому серпантину. При каждом повороте дороги шофер-араб тихо бормочет про себя молитву. На вопрос, когда мы доберемся до места, он отвечает: «Если будет угодно аллаху, то через полчаса». — «А если только нам будет угодно?» — смеется один из нас. «О, тогда мы никогда не доедем!» — убежденно отвечает водитель и тут же возобновляет свое таинственное бормотанье, так как начинается новый поворот над крутым обрывом. (Это отнюдь не означает, что все сирийские шсферы — религиозные фаталисты: в другой раз нам пришлось ехать с водителем, который сразу сказал, что поклоняется лишь веселью и хорошему настроению, и всю дорогу, несмотря на солидную комплекцию, слегка подпрыгивал на сиденье, беспечно напевая: «Машина мчится да мчится! А солнышко светит да светит! А пассажиры со мной едут да едут!»)

Крак де Шевалье

Несмотря на мощные крепости и отменные воинские качества, крестоносцы были изгнаны из Сирии, оставив о себе скверную память. К настоящему времени, однако, сирийцы почти полностью забыли о них. Более свежи у народа Сирии воспоминания о 400-летнем турецком господстве. Следы этих четырех веков пребывания под властью османских султанов довольно многочисленны: отдельные турецкие слова в сирийском диалекте арабского языка, звучащие на турецкий лад некоторые сирийские имена и названия, типично турецкие элементы в архитектуре многих старинных домов (например, верхний этаж, выступающий над нижним), расположенное в центре Дамаска уже упоминавшееся текке Сулейманийе.

При турках был выстроен в 1750 г. и замечательный дворец Аль-Азема в Дамаске, представляющий собой великолепный пример дамасского зодчества. Архитектура дворца весьма эклектична: здесь соседствуют типично мавританские арки и греческие колонны, персидские орнаменты и итальянские оконца «мандолина» (с маленькой колонкой или двумя посредине). Многоцвет-

ность использованного при постройке камня, изысканность мозаики, строгая гармония, дисциплинирующая обилие красок, производят впечатление утонченной роскоши. Основные части дворца называются по-турецки: «харамлик» («запретное место», предназначенное для жилья) и «саламлик» («место приветствия», предназначенное для приема гостей). В «саламлике» теперь располагается музей народного искусства и старинных ремесел. В многочисленных залах дворца выставлены образцы оружия, мебели, одежды, внутренней отделки жилищ, характерных для различных районов Сирии (например, Хаурана, Джебель-Друза). Изделия ремесленников как две капли воды напоминают предметы, выставленные в лавках гончаров, сапожников и ткачей на рынке Хамидийе. Это и не удивительно: ремесленное производство Сирии, одно из наиболее древних на Арабском Востоке, беспрестанно обновляясь, в основе своей сохраняет старинные традиции. В этом — еще один пример характерной для нынешней Сирии переклички различных времен и эпох.

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Маленький тесный автомобиль доктора Нури мчит нас меж полей и садов Гуты. Среди густой зелени мелькают транспаранты с лозунгом правящей в стране Партии арабского социалистического возрождения, сокращенно именуемой Баас (т. е. «возрождение»): «Арабская нация едина и выполняет вечную миссию». Разговор, естественно, заходит о политическом положении и насущных проблемах республики. «Наш народ, — рассказывает доктор Нури, — отлично понимает, чего он хочет. У нас 80 процентов женщин не носят хиджаба. Жизненный уровень сирийцев — самый высокий в арабском мире после Кувейта и Ливана. Еще более высок уровень политического сознания. Поэтому всякое прогрессивное мероприятие встречает активную поддержку масс. Прежде всего это относится к аграрной реформе. В Гуте она уже завершена. Здесь самые плодородные в стране почвы и поэтому наименьшие размеры участков, оставляемых в частном владении, — не свыше пятнадцати-двадцати гектаров, в то время как на севере иногда

оставляют и по триста гектаров. Именно после проведения аграрной реформы древнее земледельческое искусство крестьян Гуты достигло особого совершенства: они трудятся на себя, а не на эксплуататоров. Бедняков здесь теперь нет: все стали середняками, притом зажиточными. Разумеется, они будут драться за столь дорогую им землю и дадут отпор любой попытке феодалов и буржуазии повернуть вспять развитие событий».

Мы останавливаемся около оросительного канала, отведенного от шумящей где-то вблизи Барады, и усаживаемся в тени. Беседа продолжается. «Обратите внимание на то,— говорит доктор,— что посольство США в Сирии не может действовать так беззащитно, как в некоторых других странах, например в соседнем Ливане. Возможности для маневров империализма здесь существенно ограничены» *. Далее речь идет о прогрессивном курсе внешней и внутренней политики Сирии и о сохраняющихся еще, к сожалению, позициях эксплуататорских сил (феодалов, буржуазии, кулачества), которые противятся политике обобществления средств производства и ухищряются приспособливаться к сложной, зачастую противоречивой ситуации в стране. Кулачество, в частности, даже пытается кое-что выгадать в ходе проведения аграрной реформы. Но в целом за последние годы перевес сил на стороне тех, кто поддерживает политику правительства республики и учитывает интересы рабочих, крестьян и других трудящихся.

Впоследствии мы неоднократно вспоминали эту беседу с доктором Нури, каждый раз убеждаясь в справедливости того, что он говорил. Любой непредубежденный человек, побывавший в Сирии, неизбежно приходит к выводу о том, что сирийский народ твердо встал на путь социального прогресса и революционных преобразований. Для этого достаточно пройти по улицам любого крупного города Сирии, например Дамаска, Халеба или Хомса, полистать свежую газету или проехать в окружающие Дамаск сады Гуты. Повсюду — вывески национализированных предприятий, государственных обществ и компаний, лозунги в защиту социализма и против империализма, сообщения о строительстве но-

* Разговор относится к апрелю 1967 г. После июньских событий 1967 г. Сирия разорвала дипломатические отношения с США.

вых предприятий и промышленных объектов, находящихся в общенародной собственности. 40% конфискованной у помещиков земли уже распределено среди крестьян. На конец 1967 г. было намечено распределить еще 20%. К этому же сроку на всех государственных предприятиях подготавливалось проведение выборов в комитеты управления, большинство мест в которых принадлежит трудящимся, непосредственно занятым на производстве.

Большим авторитетом пользуются профсоюзы. Газета правящей партии «Аль-Баас» даже отводит целую полосу под информацию о жизни рабочих и делах профсоюзов. Ни один выпуск кинохроники, который нам удалось посмотреть в Сирии, не обходился без показа того или иного выступления председателя Всеобщей федерации рабочих профсоюзов Сирии. В его речах, как и в речах руководителей правительства Сирийской Арабской Республики, обязательно говорилось о «борьбе за строительство социализма», о «борьбе рабочих и крестьян против империализма и монополий», об «укреплении экономики на здоровой основе».

О настроениях в стране красноречиво говорят даже названия газет — правительственного официоза «Ас-Саура» («Революция») и органа профсоюзов «Аль-Иштираки» («Социалист»). Характерно, что все сирийские газеты выходят только на арабском языке. В продаже имеются также издания на французском языке, печатающиеся за границей (в Ливане, ОАР, Франции), но они пользуются гораздо меньшим спросом. «Французское присутствие», т. е. управление Сирией французскими властями на основе мандата Лиги наций, длилось здесь гораздо меньше, чем в странах Северной Африки. Поэтому следы пребывания французов в Сирии почти незаметны по сравнению с Алжиром или Тунисом. Франция ушла из Сирии более 20 лет назад, так и не успев здесь как следует укорениться, не сохранив сколько-нибудь значительных позиций в экономической или политической области. Принадлежавшие французам предприятия в основном были национализированы в первое десятилетие независимого существования республики, а предприятия прочих иностранных капиталистов — в течение второго десятилетия. В настоящее время Сирия, как и ОАР, экономически не зависит от

Одна из улиц Дамаска

западного капитала, что дает возможность этим двум странам идти в авангарде антиимпериалистической борьбы арабских народов.

Об укреплении национальной экономики на новых началах, о решимости сирийского народа активно противостоять всем проискам империализма и его агентов, о повышении роли трудящихся в борьбе за дальнейшее упрочение национальной независимости приходилось в Сирии слышать от самых разных людей: от сотрудника правительственной газеты и студента Дамасского университета, портье столичного отеля и торговца из Халеба, преуспевающего инженера-христианина и скромного учителя-мусульманина. Из разговоров с ними выяснилось, что сирийцы очень горды победой над международной монополией «Ирак петролеум компани», которую правительство республики заставило после долгой борьбы выплачивать Сирии справедливую долю прибылей за пользование проходящими через сирийскую территорию нефтепроводами. «Арабская нефть должна принадлежать арабам», — говорили наши собеседники.

В то же время для них не было секретом нежелание некоторых режимов в арабских странах помогать Сирии в ее революционных начинаниях. Отсюда — необходимость все подчинить борьбе против реакции. Весной 1967 г. это осознавалось в Сирии даже наиболее убежденными сторонниками арабского единства и теми, кто первоочередной задачей считал борьбу с Израилем. Многие из них, по свидетельству одной из ливанских газет, пришли к выводу, что «освобождение Палестины невозможно без уничтожения оплотов реакции на арабской земле».

Вопрос о Палестине — больной вопрос для любой арабской страны, а особенно для такой, как Сирия, которая граничит с государством Израиль и вынуждена держать на этом участке своей границы значительные вооруженные силы ввиду постоянно возникающих конфликтов. Кроме того, наличие в Сирии свыше 150 тыс. палестинских беженцев, живущих в исключительно тяжелых условиях*, горькие воспоминания о неудачах арабов в военных конфликтах с Израилем в 1948—1949 гг. и 1956 г. (а теперь также в 1967 г.), экстремистская позиция правящих кругов Израиля, стремящихся силой навязать арабам одностороннее решение всех спорных вопросов, разумеется, не способствовали смягчению напряженности в сирийско-израильских отношениях. Сравнительная близость израильской границы к Дамаску и другим жизненным центрам Сирии в значительной степени определила и решающую роль армии в политической жизни Сирии после палестинской войны 1948—1949 гг., в частности почти во всех 15 государственных переворотах, происшедших в стране за последние 20 лет. Армия сыграла видную роль и в феврале 1966 г., когда у власти в стране встало левое крыло партии Баас. Эта партия всегда считала Израиль форпостом западного империализма, вклинившимся в территорию арабского мира и препятствующим его объединению, которое является официальной целью Баас. В подобных условиях не вызывали удивления и резкий тон высказываний сирийской печати об Израиле, и множество воен-

* С июня 1967 г. к ним присоединилось примерно столько же беженцев из собственно сирийских районов, захваченных Израилем в «шестидневной войне».

ных на улицах Дамаска и других городов, и обилие часовых у всех общественных зданий и государственных учреждений, и часто попадавшиеся, особенно на шоссе, щиты с надписями: «Сионизм — враг мира!», «Сионизм — враг человечества!». Как известно, в июне 1967 г. эта напряженность переросла в очередное военное столкновение Израиля с арабскими странами. Возможность его чувствовалась уже в апреле 1967 г., когда мы видели на аэродроме сирийской столицы израильский самолет, сбитый во время налета авиации Израиля на Дамаск 7 апреля 1967 г.

На воротах красильной и деревообрабатывающей фабрик в Гуте — лозунг: «Да здравствует борьба социалистов против монополий, сионизма и империализма!». Этот лозунг не случаен. Сирийцы, как и остальные арабы, подчеркивают, что военные успехи Израиля в борьбе против арабов — прямое следствие помощи империалистических держав. Для сирийцев, таким образом, сионизм не только является орудием империализма, но и представляет собой угрозу национальным интересам и социальным завоеваниям арабов.

Вместе с тем сирийцам в основной массе не свойственны грубый шовинизм и националистическое высокомерие, как и вообще грубость и нетерпимость. Подавляющее большинство жителей Сирии — арабы-мусульмане, к тому же с обостренным чувством патриотизма и национальной гордости, выработавшимся за долгие годы национально-освободительной борьбы. Тем не менее неарабы и немусульмане спокойно живут в Сирии, практически не подвергаясь ограничениям. Например, среди торговцев, врачей и технической интеллигенции немало армян, среди армейских офицеров всех рангов много черкесов (некоторые из них даже исповедуют христианство). Представителей самых различных национальных и религиозных групп можно встретить здесь на любом месте. Мы убедились в этом на собственном опыте: нашим гидом по Дамаску был грек, по Халебу — армянин, дежурным в отведенном нам отеле — черкес, а проводником по цитадели в Халебе — курд. Приемный сын и активный помощник владельца туристической фирмы (араба-христианина), взявшей на себя заботу о нашей группе, был итальянец по отцу и француз по матери, отлично говоривший по-арабски. Молодые инженеры,

встреченные нами в Халебе, были христианами: один — православным, другой — католиком. Это не мешало им дружить друг с другом и быть к тому же горячими арабскими патриотами. В Халебе бок о бок живут арабы-мусульмане и арабы-христиане, турки и черкесы, армяне и курды. И все находят общий язык, вместе работают, вместе торгуют. При большой армянской церкви в Дамаске работала во время нашего пребывания там школа с обучением на армянском языке. Мы провели во дворе школы полчаса и убедились, что мусульманин может зайти сюда так же свободно, как христианин — в мечеть. Подобное отсутствие национальной и религиозной розни, объясняемое особенностями истории Сирии и давно сложившимися правами ее народа, во многом облегчает для сирийцев сближение с другими национальностями.

Интересный пример своего рода сирийского интернационализма представляет собой фабрика-салон братьев Хасан в Дамаске. Сами владельцы ее — арабы и христиане. Среди рабочих и служащих — лица многих национальностей и трех религий, причем распределены они по специальностям: арабы-мусульмане заняты в основном выделкой шелковых тканей, идущих на экспорт; арабы-христиане и армяне заняты главным образом полировкой художественных изделий из дерева, а цех, в котором производится чеканка по металлу, оказался пуст. Нам сказали, что работающие в нем мастера — почти все евреи и в этот день (мы пришли на фабрику в субботу) отдыхают в соответствии с предписаниями иудаизма. Любопытно, что все остальные служащие — и христиане и мусульмане (для последних праздничный день — пятница) — отдыхали по воскресеньям. Братья Хасан сделали исключение только для мастеров чеканки, пожелавших неукоснительно придерживаться своих обычаев.

Конечно, после июньских событий 1967 г., резко усиливших антиизраильские настроения в Сирии, положение евреев в этой стране изменилось к худшему. Но факт остается фактом: то, что мы видели в Сирии и слышали от самих сирийцев весной 1967 г., доказывает возможность сосуществования евреев с арабами в условиях мира, безопасности, уважения взаимных прав и обычаев. Трагический конфликт, противопоставив-

ший друг другу два народа, издавна живших в мире, может и должен быть урегулирован.

Сирийцы очень миролюбивы, но вместе с тем мужественны. Мне никогда не забудутся слова Махмуда Абеда, скромного учителя из Пальмиры: «Мы хотим жить, а не умирать, строить, а не разрушать. Поэтому мы — за мир со всеми, даже с израильтянами. Но всякий, кто придет к нам с войной, пусть это даже будет сын пророка Мухаммеда, станет нашим врагом навсегда». Очевидно, под этим заявлением могли бы подписаться очень многие сирийцы. Мы, в частности, вспоминали об этом, когда, находясь в Ливане, услышали сообщение дамасского радио о нападении израильской авиации на столицу Сирии, и еще позднее — в тяжелые дни возобновления арабо-израильской войны.

НАША ДРУЖБА

Находясь в Сирии, постоянно видишь самые разнообразные примеры дружественного отношения сирийцев к Советскому Союзу, к советским людям. В первый же вечер в Дамаске мы были приятно удивлены, когда выяснилось, что пришедшие к нам в отель молодые сирийцы неплохо знают русский язык. Один из них даже взялся быть нашим проводником в незнакомом и уже погруженном в темноту южной ночи городе. Оказалось, что он полгода изучал русский язык на курсах при советском культурном центре. При этом для него, мелкого предпринимателя, знание русского языка не вызывалось какими-либо профессиональными, деловыми и прочими легко объяснимыми причинами. Это было просто проявлением симпатии к СССР и в то же время свидетельствовало о росте культурного и вообще духовного сближения между нашими народами.

Советский культурный центр в Дамаске всегда полон посетителей. Здесь бывают студенты, преподаватели, литераторы, а также торговцы, многие из которых даже изучают русский язык; в своих магазинах они вывешивают таблички на русском языке. На улицах много автомобилей советских марок, а в книжных магазинах — книг об СССР. Сирийцы с огромным интересом смотрят советские фильмы, читают в переводе на арабский язык

произведения русской классической и советской литературы.

Читая сирийские газеты, заходя в книжные магазины Дамаска, вслушиваясь в размеренную и образную речь сирийцев, думаешь о том, что Сирия была одной из первых стран, где арабский язык превратился из устного языка бедуинских кочевий в письменный язык горожан, где всегда развивалась и процветала арабская литература, особенно поэзия. В первый же день нашего пребывания в Сирии мы присутствовали на вечере, устроенном в честь поэта Мухаммеда аль-Харири. Поэт очень эмоционально и выразительно прочитал превосходные стихи о Москве, Ленинграде, Красной площади. Достаточно было взглянуть на молодежь, заполнившую аудиторию, на тот энтузиазм, с которым она аплодировала поэту, чтобы понять, что хорошая поэзия в Сирии горячо принимается и высоко ценится. Но восторженная реакция аудитории объясняется еще, как мне кажется, и тем, что чувства поэта разделяют очень многие сирийцы.

Интерес сирийцев к общественной и культурной жизни Советского Союза огромен. Свидетельством тому служит хотя бы исключительно теплый прием, оказанный интеллигенцией Дамаска группе советских писателей, прибывших в Сирию после окончания Бейрутской конференции писателей стран Азии и Африки. Многочисленные слушатели с энтузиазмом встретили выступления советских литераторов, особенно Расула Гамзатова, рассказавшего о своем отце, народном поэте Дагестана Гамзате Цадаса, хорошо знавшем арабский язык и слагавшем стихи по-арабски. «Мы знаем Сирию как центр арабской культуры, и мы чувствуем себя связанными с арабской культурой», — заявил на встрече известный киргизский писатель Чингиз Айтматов. На встрече читались отрывки из романа Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары» и стихи советских поэтов в переводах сирийских студентов, учившихся в СССР. «Народы Советского Союза всегда будут друзьями народа Сирии... Хорошего и доброго урожая нашей дружбе!» — говорилось в заключительном выступлении на встрече.

В Халебе мы встретили двух молодых людей, которые незадолго до этого совершили туристическую поездку по СССР. Они расспрашивали нас о Московском университете, московских театрах, сами рассказывали о том, в

каких городах Советского Союза им довелось побывать и что они видели в Москве, Ленинграде, Киеве и Тбилиси. В городе Эн-Небк, на полпути между Дамаском и Хомсом, группа подростков — школьников старших классов, узнав, откуда мы приехали, окружила нас тесным кольцом. Мы долго беседовали с ними и на прощание подарили им значки. Особенно хотелось им получить значки с портретом В. И. Ленина.

Даже в тех случаях, когда мы сталкивались с людьми, плохо информированными или имевшими самые превратные представления о положении в нашей стране, к нам относились вполне доброжелательно. Например, как-то нам пришлось от Кутейфы до Дамаска добираться на попутной машине, владелец которой, судя по всему, был человеком состоятельным и не питавшим особой симпатии к социализму. Тем не менее и он отнесся к нам с неподдельным интересом. Мы даже не успели заметить, как доехали до нужной нам улицы, так как всю дорогу нам пришлось давать обстоятельнейшие ответы на многочисленные вопросы нашего попутчика. Его интересовало все: в каких арабских странах мы бывали, кроме Сирии, могут ли советские туристы свободно выезжать за границу, надо ли для этого обязательно быть членом партии, сколько денег разрешается брать с собой и т. д. Иногда он прерывал нас восклицаниями типа: «Это немыслимо! Этого не может быть! Я впервые об этом слышу!» Судя по характеру вопросов и по изящному парижскому прононсу нашего собеседника (разговор шел по-французски), он явно питался информацией из правых французских газет. Постепенно, однако, беседа приняла иной характер и наш недоверчивый оппонент превратился в более доброжелательного слушателя. В заключение, явно стремясь сказать что-нибудь приятное, он обратил наше внимание на то, что в правительстве Сирийской Арабской Республики «тоже есть коммунисты».

Разумеется, чувства дружбы и симпатии, которые испытывают многие сирийцы к Советскому Союзу, объясняются во многом помощью и содействием, которые получала от него Сирия на протяжении всего периода своего независимого существования. Достаточно напомнить решительное требование вывести иностранные войска из Сирии, выдвинутое Советским Союзом в 1945 г., ограж-

дение Сирии от угрозы вторжения извне в 1957 г., соглашение 1966 г. о строительстве Евфратской плотины. Работа советских топографов и гидрологов на берегу Евфрата началась уже в конце 1966 г. В Табку (основное место сооружения Евфратского гидротехнического комплекса) на протяжении всего 1967 года непрерывно прибывали различные машины, механизмы и прочее оборудование из СССР. В декабре 1967 г. был подписан дополнительный контракт о командировании на евфратскую стройку еще нескольких сот советских инженеров, техников и мастеров высокой квалификации.

В Сирии работают многие советские технические специалисты. Помнится, мы встретили в Дамаске, в вестибюле «Гранады», одного из них, геолога по профессии. Он сообщил нам, в частности, что с помощью советских изыскателей недалеко от Пальмиры обнаружены значительные запасы нефти. Их разработка будет способствовать дальнейшему укреплению самостоятельности сирийской экономики. Известно также, что и в других жизненно важных областях СССР оказывает Сирии всемерную помощь: в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства, в усилении обороноспособности и т. д.

В основе советско-сирийской дружбы заложены общность интересов наших народов и государств, давние традиции хороших отношений и взаимного уважения. Наши страны никогда не ссорились и не воевали. Советский Союз всегда поддерживал справедливую борьбу сирийского народа за независимость, всегда помогал осуществлению законных требований Сирии, оказывал и оказывает поддержку всем усилиям народа и правительства Сирийской Арабской Республики в их борьбе против империализма и неокOLONиализма, за обеспечение мира и безопасности на Арабском Востоке, за упрочение политической и экономической независимости Сирии, за социальный прогресс и революционное созидание новой жизни.

В СТРАНЕ КЕДРОВ

Зеленый кедр на белом фоне у гостеприимно поднятого шлагбаума мы впервые увидели еще по дороге из Хомса в Крак де Шевалье. Небольшой участок этой дороги проходит по ливанской территории. Ни Сирия, ни Ливан никаких неудобств от этого не ощущают, и движение по дороге в обе стороны осуществляется беспрепятственно. Стоявший у будки плотный черноусый пограничник-ливанец даже не шелохнулся, когда наш автобус пересекал линию границы, и лишь приветствовал нас радушной улыбкой. Быстро промчавшись по кусочку ливанской земли, мы не успели заметить особой разницы по сравнению с Сирией: природа, селения, внешний облик жителей точно такие же, как по ту сторону границы. Исторически Сирия и Ливан долгое время составляли единое целое; потому-то в происхождении, обычаях и образе жизни населения этих стран много общего. Но это впечатление постепенно стало трансформироваться и даже стираться, когда мы через несколько дней, выехав из Сирии по великолепному шоссе Дамаск — Бейрут, часа через два вновь увидели изображения кедра на полосатых будках со шлагбаумами в пограничном селении Маснаа.

Что мы знали до этого о Ливане? Что эта страна — наследница древней Финикии, сохраняющая до сих пор за собой роль крупнейшего посредника в торговле между странами Запада и Ближнего Востока. Что именно в Ливане в свое время произошли первые в арабском мире восстания под лозунгом политической свободы, сыгравшие немалую роль в утверждении здесь относительно прочных традиций буржуазного демократизма. Что это страна — один из очагов движения Арабского возрождения, родина известнейших арабских писателей и

просветителей и одновременно наименее «восточная» из всех арабских стран, более других впитавшая культурно-религиозное влияние Запада. Мы знали также, что Ливан — страна заснеженных горных вершин, модных курортов и развитого туризма — словом, как любят выражаться сами арабы, «арабская Швейцария». Наконец, мы знали, что столица Ливана Бейрут — один из центров Интерпола, международной уголовной полиции, ибо именно здесь, на перекрестке мировых путей, любят устраивать перевалочный пункт всевозможные международные авантюристы и преступники.

Но одно дело — знать все это теоретически и совсем другое — самому ознакомиться хотя бы с частью того, что было где-то прочитано или услышано. Поэтому мы с интересом ждали, каким именно покажется нам Ливан в первые часы знакомства, какова она, эта почти сказочная земля древних кедров.

Пограничные формальности, несмотря на обилие у шлагбаумов молодцеватых военных в щегольской форме и бросавшиеся в глаза аккуратные таблички с грозными надписями «шуртат аль-джейш» (военная полиция) и «сюртэ женераль» (государственная безопасность), заняли сравнительно мало времени. После этого мы начали наше увлекательное пятидневное путешествие по стране, во время которого увидели собственными глазами почти все, во всяком случае очень многое из того, что знали заранее, но еще больше из того, чего не знали и о чем в некоторых случаях даже не подозревали. Мы запомнили все: очень благополучный вид чистеньких деревень с темно-красными крышами, где, как нам рассказывал гид, тайком выращивается в укромных уголках, подальше от полицейского глаза, один из видов индийской конопли, из которого делают наркотик гашиш; плотный знойный воздух цветущих горных долин, а над ним, как бы вторым слоем, пронизывающий холодок горных шоссе и перевалов, даже в сравнительно жаркий апрель не свободных от снега; крутые взлеты и развороты дорог над медленно плывущими в горных расщелинах клочьями облаков и тонко продуманную целесообразность в использовании каждого клочка столь дорогой здесь земли. Мы восхищались изумительной панорамой Бейрута, открывшейся нам с высоты Ливанского хребта, и без устали осматривали этот удивительный «Париж Востока»,

своего рода фрагмент Европы, неизвестно как очутившийся в Азии.

Мы познакомились со всеми дежурными туристическими достопримечательностями и наблюдали современную жизнь страны, побывали в музеях и кинотеатрах, на художественных выставках. Однако вряд ли есть смысл излагать все эти впечатления в хронологическом порядке. Мне представляется более целесообразным начать рассказ о путешествии в страну кедров с одного очень интересного спора, разгоревшегося во время нашего пребывания в Бейруте.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ДИСКУССИЯ

Мы — в кабинете ректора Ливанского университета Фуада аль-Бустани, крупного писателя и литературоведа. Кроме самого ректора здесь находятся декан факультета права г-н Наим, декан литературного факультета г-н Мекки и директор открытого при университете Института социальных наук г-н Наср. Ректор принадлежит к известному семейству, которое в прошлом веке дало Ливану и всему арабскому миру знаменитого просветителя Бутроса аль-Бустани. Может быть, поэтому Фуад аль-Бустани считает своим долгом продолжать некоторые традиции, заложенные его прославленным родственником, в частности редактировать новое, современное издание основанной Бутросом аль-Бустани столетие назад первой арабской энциклопедии «Даират аль-Маариф» («Круг знаний»). Нам показывают выпущенный в свет в 1966 г. 6-й том энциклопедии. В нем 130 страниц посвящены Советскому Союзу. В статье — карты всех наших союзных республик, 140 иллюстраций, включая портреты правителей России (начиная с Рюрика), наиболее известных деятелей науки, литературы и искусства. «Этот раздел статьи я сам написал, — говорит Фуад аль-Бустани, указывая на главу о советском востоковедении, открывающуюся портретом хорошо известного ливанцам академика И. Ю. Крачковского. — Во многом мне помогли материалы, предоставленные посольством СССР и советским культурным центром в Бейруте».

Нас трогает столь значительный интерес к нашей стране. В свою очередь наши собеседники всячески под-

черкивают, что им приятен визит советских востоковедов, и подробно отвечают на все наши вопросы. В Ливанском государственном университете — 9 тыс. студентов. Среди студентов и преподавателей 30% составляют женщины. Большинство преподавателей — выпускники Сорбонны или университетов Сирии, Ливана и других арабских стран; некоторые учились в США, где издавна существует крупная ливанская колония. Среди преподавателей преобладают ливанцы, но есть и французы, англичане, американцы. Библиотека университета насчитывает около 20 тыс. томов, главным образом на арабском, французском и английском языках.

В Ливане — четыре университета: Ливанский, американский, Арабский и католический святого Иосифа, управляемый французскими иезуитами. Обучение бесплатное только в Ливанском университете, во всех же остальных надо платить, и немало. Например, в американском университете плата за обучение — 100 долларов (т. е. 300 ливанских лир) в месяц. Если учесть, что средний месячный заработок бейрутского рабочего не превышает 210 лир, а квартплата иногда достигает 450 лир (и только в очень неважных домах держится на уровне 150 лир), то становится ясно, что учиться в американском университете могут либо выходцы из весьма зажиточных слоев общества, либо стипендиаты различных американских фондов. США всячески стремятся превратить свой университет в Бейруте в оплот американского влияния во всем афро-азиатском мире: кроме ливанцев здесь обучаются выходцы из 53 стран, главным образом арабских и африканских, но есть и студенты из США и Западной Европы.

В силу сравнительной доступности и демократичности Ливанского университета в нем обучается намного больше студентов, чем в других университетах. Наши собеседники гордятся этим обстоятельством, а также полной, как им кажется, независимостью от политических бурь. Они не разделяют, как они говорят, прозападной ориентации университета святого Иосифа или проегипетской — Арабского университета. «Ливан нейтрален, и Ливанский университет тоже, — подчеркивает Фуад аль-Бустани. — Мы занимаем позицию наблюдателя. Ливанский университет — это Ливан в миниатюре».

Как это применяется на практике? Господин Мекки

Панорама Бейрута

рассказывает: «На литературном факультете тысяча шестьсот студентов занимаются на восьми отделениях: арабском, английском, французском, латинском, испанском, итальянском, португальском, истории и философии. История изучается в тесной связи с литературой. По русскому языку и литературе специализируются пятнадцать студентов. При обучении мы делаем особый упор на роль Ливана в движении Арабского возрождения. История национального движения изучается вплоть до конца прошлого века. Мы считаем неделикатным анализировать современные или близкие к современности проблемы национального движения, так как это уже сфера политики, а не науки». Кроме того, как подчеркивают все наши собеседники, им очень важно обеспечить строгий академизм обучения, чтобы предотвратить взрывы политических страстей: среди студентов университета много выходцев из других арабских стран; они, естественно, имеют свое мнение о положении у себя на родине и могут «нежелательным образом» реагировать на любые иные оценки.

В ходе беседы выясняется также, что наши точки зрения на характер социальных отношений в Ливане коренным образом расходятся. Беседа превращается в спор. Наши оппоненты стремятся убедить нас в том, что политические разногласия между ливанцами — просто следствие различия мнений, чуть ли не вкусов и никак или почти никак не связаны с социальными проблемами. «У нас нет острой проблемы общественных классов», — говорит Фуад аль-Бустани. Он, как и его коллеги, глубоко убежден, что Ливан — это страна средних собственников, не эксплуатирующих чужого труда и не подвергающихся никакой эксплуатации. Даже миллионеры здесь, дескать, все в молодости были бедняками, ходили за плугом и нажили богатство лишь благодаря упорному труду и бережливости. Большинство живущих в Ливане богачей, по мнению наших оппонентов, не могут быть приведены в пример, так как они — неливанцы по происхождению. «Вы упускаете из виду, — говорит г-н Наср, — что у нас большую роль играет фактор социальной мобильности. Тот, кто вчера был почти беден, а таких среди ливанцев немного, сегодня или завтра может стать зажиточным. К примеру, бесплатное образование в Ливанском университете во многом облегчает интеллекту-

альный прогресс в нашей стране и способствует продвижению малосостоятельных людей вверх по социальной лестнице».

По аргументации наших собеседников чувствовалось, что они хорошо знакомы с распространенными на Западе теориями «социальной мобильности», «социальной диффузии», особой роли средних слоев и т. п. При этом было видно, что они давно уже думают о практическом применении этих теорий на ливанской почве.

После окончания беседы хозяева расстались с нами очень сердечно и пригласили посетить факультеты, расположенные в разных районах Бейрута. Мне довелось поехать вместе с г-ном Наимом на факультет права, где 3 тыс. студентов занимаются на отделениях права, экономики и политических наук. Любопытно, что примерно треть всех студентов факультета — сирийцы. Почти все они учатся на отделении политических наук. Мы обошли удобные аудитории на 100—300 человек, с микрофонами, отдельным столиком и стулом для каждого слушателя. Профессура — почти все ливанцы, но в библиотеке западным кабинетом заведует молодой француз, работающий по контракту в рамках франко-ливанского культурного сотрудничества. Как сообщил мне сам мосье Жан, три года работы в Ливане будут ему зачтены французским правительством как служба в армии. Подобных «кооперантов», направляемых из Франции в различные концы Африки и Азии, можно встретить сейчас почти во всех арабских странах.

После посещения факультета г-н Наим показал мне свою домашнюю библиотеку, которая занимает шесть комнат и, по-моему, в несколько раз превосходит библиотеку факультета. Здесь — комплекты юридических, политических и исторических журналов, выходящих или продолжающих выходить во Франции. Некоторые из них датируются 1801 г. Мне удалось обнаружить полные комплекты целого ряда алжирских изданий прошлого века, которые нельзя найти даже в Национальной библиотеке Алжира. Но особенно щедро представлены периодика и публикации ООН и других международных организаций (начиная с Лиги наций), а также документы многих международных конференций, литература об СССР и социалистических странах Восточной Европы, всевозможные издания по международному праву. Целая комната

отведена старинным книгам на арабском, английском и французском языках. Хозяин, довольный впечатлением, произведенным на меня его книжным богатством, с улыбкой говорит: «Я очень ценю свои сокровища и регулярно их приумножаю. В этом отношении я — немножко капиталист».

Эдмон Наим стал деканом в 1963 г. До этого он окончил католический университет святого Иосифа, был адвокатом и политическим деятелем, входил в руководящий комитет Ливанской социалистической партии, которая, по его же словам, «к сожалению, маловлиятельна». Сейчас он отошел от политики: «Ныне я состою на государственной службе, занимаю официальное положение. Кроме того, моя кандидатура дважды не прошла на выборах в парламент». Но и теперь он продолжает оставаться видным политическим теоретиком; его статьи о положении в арабском мире сравнительно недавно печатались, в частности, в органе Французской социалистической партии журнале «Ля Ревю сосьялист».

Судя по всему Эдмон Наим придерживается довольно трезвых взглядов относительно губительной роли империализма на Востоке и несправедливости самой сути капитализма. Но, по его убеждению, подлинных капиталистов в Ливане нет, а существуют только «капиталистические взгляды» и «капиталистический образ жизни». Возможно, в какой-то мере подобные концепции выработались у него вследствие разочарования в позиции левых сил или тех, кто называет себя левыми. По словам Наима, из левых «только один процент понимает, что означает их программа, а остальные вступают в левые организации по соображениям престижа, политической карьеры, личных связей или из стремления нажиться». В дальнейшем, однако, выяснилось, что термин «левый» употребляется моим собеседником довольно неопределенно, так как, по его мнению, «в Ливане вообще нет правых».

Весьма характерны были и высказывания Эдмона Наима о социально-экономических отношениях в Ливане в связи с моим вопросом о возможностях продвижения его родины к социализму. «Ливан, — сказал он, — не сможет существовать без свободной экономики. Здесь нет крупных средств производства, как в Египте или Сирии, нет крупных феодалов. Конечно, существуют со-

циальная несправедливость и эксплуатация человека человеком, но все это в совершенно иных формах, чем в Европе. В Ливане нельзя определить классовую принадлежность человека по его богатству. Есть более богатые и менее богатые, но почти все живут в достатке. Жизненный уровень ливанцев — самый высокий в арабском мире. Крупные коммерсанты эксплуатируют не своих служащих, а потребителя. Речь может идти не о национализации торговли, а о контроле над ней, о смягчении возможной несправедливости. Сейчас у нас пока национализированы железная дорога, электро- и водоснабжение. Есть и государственный банк, но он лишь выполняет функции контроля и эмиссии. Ливан просто перестанет существовать в тот день, когда будут национализированы все банки и торговля. В связи с этим я считаю, что самый искренний социалист должен считаться с реальным положением в Ливане. Социализм здесь будет возможен лет через пятьдесят, но и тогда — в специфически ливанских формах, с учетом нашей самобытности, обычаев и особого положения в арабском мире и мировой торговле».

Взгляды г-на Наима, как и его коллег по университету, в какой-то мере напоминали разговоры о «дустуровском социализме» в Тунисе в 1962 г.: то же стремление использовать специфическое положение небольшой страны, та же попытка привести к соглашению имущих и неимущих, те же умеренность и осторожность в социальных реформах. Только мои ливанские собеседники в 1967 г. в отличие от тунисских в 1962 г. решительно утверждали, что они уже достигли всеобщего благосостояния и задача состоит лишь в том, чтобы сохранить его.

Университетские дискуссии вспоминались мне в течение всего пребывания в Ливане, во время поездок по этой удивительной стране, когда нам приходилось встречаться и беседовать с самими ливанцами, а также знакомиться с природой, историческими памятниками, кипучей деловой и духовной жизнью Ливана. Лишь после таких интересных, разноплановых, а иногда неожиданных встреч с ливанской действительностью становится понятным, почему в кругах мыслящей интеллигенции страны кедров утвердилось представление о процветающем и почти бесконфликтном в социальном отношении обществе.

Если въехать в страну через Маснаа, попадешь в широкую и плодородную долину Бекаа, которая тянется на 130 километров между горными хребтами — Ливаном и Антиливаном. Повсюду, куда ни кинешь взор, посевы зерновых, чечевицы, фруктовые сады, виноградники, огороды (здесь иногда собирают до трех урожаев в год), птицефермы, опытные агрономические станции. Все участки тщательно обработаны и огорожены. Хозяйство всюду ведется рационально, с применением новейших методов агрономической науки. Впечатление рациональности и аккуратности хозяйствования еще более усиливается, когда из долины Бекаа поднимаешься в горы. Склоны их изрезаны сетью террас, существующих со времен древней Финикии. Террасы, созданные для интенсивного земледелия в горных условиях, служат одновременно и для защиты против эрозии. Они есть даже там, где длительное время лежит снег. В частности, проезжая перевал Дахр эль-Бейдар (свыше 1500 метров над уровнем моря), мы видели яблоневые плантации и квадратные бассейны для их орошения на заваленных снегом террасах. Именно здесь и выращиваются знаменитые на весь мир сорта ливанских яблок.

После перевала горный ландшафт приобретает более прихотливый, как бы специально приспособленный для туризма характер. Западные, т. е. обращенные к морю, склоны гор поросли пинией. Тут и снег ослепительно белый, а не желтоватый, как на восточных склонах (где он окрашен песком, занесенным весной из Сирийской пустыни сухим ветром — хамсином). Мягкий климат, великолепные пейзажи и целебный высокогорный воздух способствовали тому, что сюда еще в прошлом веке стали съезжаться европейские богачи и знаменитости. В расщелине гор мелькают корпуса туберкулезных санаториев. Здесь в 1831 г. лечился известный французский поэт Ламартин. Чем ближе к Бейруту, тем больше встречается роскошных частных вилл. Большинство принадлежит кувейтским принцам, о богатстве и многоженстве которых в Ливане ходят легенды, причем ливанцы рассказывают их с наслаждением, приукрашивая каждый раз новыми подробностями. Обычно около принадлежащих кувейтцам вилл — новенькие мечети, изда-

ли привлекающие внимание характерными голубыми или зелеными луковками на минаретах. Некоторые виллы принадлежат международным авантюристам. Среди этих вилл оказалось и владение бывшего князя Георгия Нахичеванского, сбежавшего из России после Октябрьской революции и переменявшего много профессий (в частности, он служил у Форда агентом по продаже автомобилей).

В горных предместьях Бейрута — немало маронитских церквей, аккуратных, добротнo выложенных из светлого камня, с высокими колокольнями и острыми шпилями.

Марониты — приверженцы особой христианской церкви. Первые марониты переселились в Ливан из Сирии более тысячи лет назад. В настоящее время марониты играют значительную роль в жизни страны. Например, президентом Ливана согласно конституции может быть только маронит. Марониты совершают богослужение на древнем сирийском (арамейском) языке и признают главенство Ватикана. Они издавна занимают горные районы Ливана (раньше — на севере, а с XIX в. — в центре страны), всегда служившие им убежищем. Поэтому маронитские церкви — почти неотъемлемый элемент ландшафта центральных областей страны.

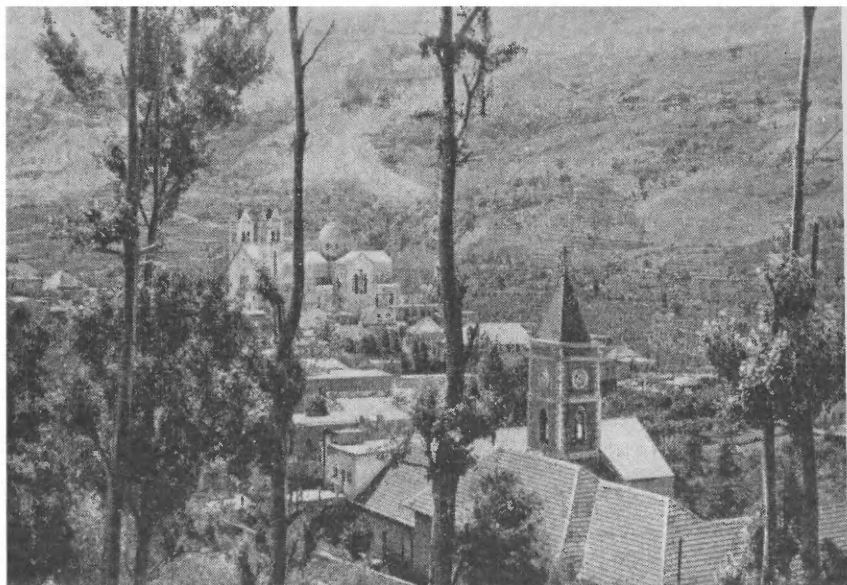
Горы дали Ливану очень много: от названия страны до обогащающего ее потока туристов, привлекаемых горными пейзажами и возможностью летом заниматься зимними видами спорта.

Название Ливана происходит от «лабан» (т. е. «белый» или «молочный»). Приплывавшие в страну моряки издали видели снежные вершины гор. Завоеватели проникли сюда главным образом морем или редкими ущельями. Чаще всего они использовали для этого ущелье Нахр аль-Кяльб («Собачья река»), выходящее к морю примерно в 15 километрах севернее Бейрута. Здесь оставили следы почти все завоеватели, побывавшие в Ливане: от римлян сохранился акведук, от мамлюкского султана XV в. Баркука — арочный мост, от древних ассирийцев и древних египтян — полустершиеся барельефы, от англичан — мемориальные надписи 1918 г. и 1941 г., от французов — такие же надписи 1920 г. и 1946 г. (последняя надпись выбита на камне самими ливанцами — в честь ухода французских войск). Высоко

над ущельем — маронитский монастырь и теософская школа при нем. Их можно разглядеть еще издали благодаря огромной скульптуре Христа, простирающего руки над гигантским обрывом ущелья, что придает всей фигуре форму креста.

Жители ливанских гор производят впечатление людей спокойных, не подвластных чуждым влияниям и быстрым сменам настроения, что характерно для обитателей побережья, в первую очередь Бейрута и других больших городов. И внешне горцы в основной массе сильно отличаются от прибрежного населения: у многих — светло-каштановые волосы и серые или зеленые глаза, какие не встретишь у почти сплошь темноволосых и темноглазых жителей приморских городов. Конечно, и в горных селениях сейчас редко увидишь ливанский национальный костюм, особенно тантур, т. е. высокий женский головной убор, являющийся, как говорят, плодом культурного влияния Европы XVIII в. Но именно в горах лучше всего чувствуешь все то патриархальное и традиционное, что еще сохранилось в Ливане: от архитектуры и костюма до быта и нравов.

Чтобы взглянуть на знаменитые кедры, надо проделать трудный путь в глубь страны, сначала по холмистой равнине, сплошь покрытой цветущим миндалем и оливковыми рощами (оливы сюда, по словам гида, завезли из Палестины крестоносцы в XI в.), а потом — по круто ползущему вверх серпантину, среди пропастей, террас с виноградниками, многолетними дубами и фруктовыми садами. На почти отвесных скалах, подобно птичьим гнездам, лепятся редкие селения. Справа, в седловине между двумя такими скалами, мелькает Бкаа Каффа — самая высокогорная в Ливане деревня; она расположена на высоте свыше 1800 метров. Но особенно прекрасно Бшерри (по-местному Бшарре), раскинувшееся на скалах у водопада и украшенное высоким шпилем маронитской церкви. Здесь родился известный писатель Джубран Халил Джубран, здесь его музей и могила (прах Джубрана, умершего в 1931 г. в Бостоне, был перевезен сюда только в 1948 г.). Память о Джубране чтит весь арабский мир. Но в родном селении, как нам сказали, музей Джубрана находится в запущенном состоянии, ибо до сих пор на его содержание не выделены надлежащие средства.

Бшарре

После Бшарре продолжать путь еще сложнее. Кругом снег, и становится все холоднее и холоднее. Наконец на высоте более 2 тыс. метров появляются кедры. Их всего около 400: еще египетские фараоны, неоднократно владевшие побережьем Финикии, использовали прочный ливанский кедр для постройки кораблей и тем самым положили начало хищническому истреблению этого ценного дерева. Последователи фараонов вели себя не лучше, что и привело к тому, что в природе кедр, этот символ Ливана, изображенный на его государственном гербе, национальном флаге, банкнотах и высшем ордене республики, стал редкостью, тщательно охраняемой и оберегаемой.

Заповедник кедров, несмотря на свою относительную труднодоступность, — одно из основных мест паломничества почти всех посещающих Ливан туристов. Величественное впечатление производят эти густо засыпанные снегом тысячелетние великаны с широко раскинутыми могучими ветвями и кряжистыми стволами. Нередко из одного корня растет по нескольку стволов. Есть кедры, которым больше 6 тыс. лет, т. е. они намного

древнее египетских пирамид. Это сравнение не случайно, ибо кедррами ливанцы гордятся не меньше, чем египтяне — пирамидами.

ЛЕГЕНДЫ И ПАМЯТНИКИ

Древние финикийцы, искусные мореплаватели и ловкие торговцы, основали большинство приморских городов Ливана свыше 3 тыс. лет назад. Многие завоеватели с тех пор пытались овладеть этими городами, но удавалось это сделать только античным греко-македонцам, римлянам, арабам и крестоносцам. Все они приносили в облик прибрежных городов Восточного Средиземноморья что-то новое, неповторимо свое. Об этом вспоминаешь, когда, приехав в современный Джубейль (Жбейль по-местному), осматриваешь руины финикийского Библоса — самого древнего города мира, существовавшего уже 7 тыс. лет назад. Греко-латинское название «Библос» происходит от папируса, на котором писали финикийцы к моменту прихода в Финикию армии Александра Македонского. Сами финикийцы называли город «Гебал» — от общесемитического корня, означающего «гора». К этому же корню восходит и нынешнее название (на арабском классическом языке «джубейль» — небольшая гора). Городок действительно расположен на спускающемся к морю пологом склоне невысокой горы. Здесь обнаружены следы построек 3-го и 2-го тысячелетий до нашей эры, обелиски и могилы времен аморитских, гиксосских и древнеегипетских правителей. С башен и через бойницы полуразрушенного каменного замка, выстроенного крестоносцами в XI в., видны сохранившиеся у самого побережья и заросшие травой фундаменты финикийских храмов, сооруженных за полтора-два тысячелетия до прихода крестоносцев, а еще дальше — колонны из асуанского гранита и амфитеатр, возникшие в начале III в. н. э. при римском императоре Каракалле.

Наиболее значительны следы пребывания древнего Рима в Гелиополисе (т. е. «городе солнца», как назвал его Александр Македонский, или Баальбеке, т. е. «господине Бекаа», как именовали его финикийцы в древности и как называют ливанцы сейчас). Сегодня Баальбек — это городок в долине Бекаа с 9 тыс. жителей, мав-

золеем омейядского эмира Али ибн Талиба (VIII в. н. э.) и остатками античных сооружений, основательно разрушенных землетрясением 1750 г.: обширной площадью, на которой 3 тыс. лет назад финикийцы приносили жертвы своему богу солнца и плодородия Баалу (впоследствии византийцы воздвигли здесь церковь святой Варвары, от которой сейчас остался лишь круглый след фундамента), древнеримскими храмами Вакха, Венеры и Юпитера. Колоннада храмов сравнительно хорошо сохранилась. Особенно восхищают своей отделкой знаменитые шесть двадцатипятиметровых колонн храма Юпитера, служащие эмблемой Баальбека на многочисленных туристических картах и проспектах. Капители колонн, лепные орнаменты и настенные барельефы храмов изобилуют древними символами жизни, смерти и рабства (яйца, стрелы и цепи). Храм Вакха, бога вина и веселья, украшен также рельефными изображениями виноградных лоз и пляшущих танцовщиц. Преемники римлян пытались приспособить храмы Вакха и Венеры под свои культовые здания: храм Вакха был переделан под византийскую базилику, а стена храма Венеры использована для пристройки к ней арабской мечети, сложенной из искусно притертых больших камней, без применения цемента.

Всемирно известная достопримечательность Баальбека — три гладко обтесанные четырехгранные плиты длиной 20 метров, шириной 4,5 метра и толщиной 3,6 метра. Когда-то эти плиты связывали с библейскими легендами, а ныне — с модными концепциями о якобы побывавших здесь пришельцах из космоса, которые будто бы пользовались этими глыбами как стартовыми площадками для своих кораблей. Пока тайна этих монолитов остается невыясненной, что еще более распаляет любопытство туристов и тем самым способствует увеличению их притока в Баальбек. Надо полагать, что когда историкам удастся доказать вполне земное происхождение трех каменных гигантов и возможность их обработки и перемещения с помощью труда рабов древности, многие бизнесмены от туризма будут искренне опечалены.

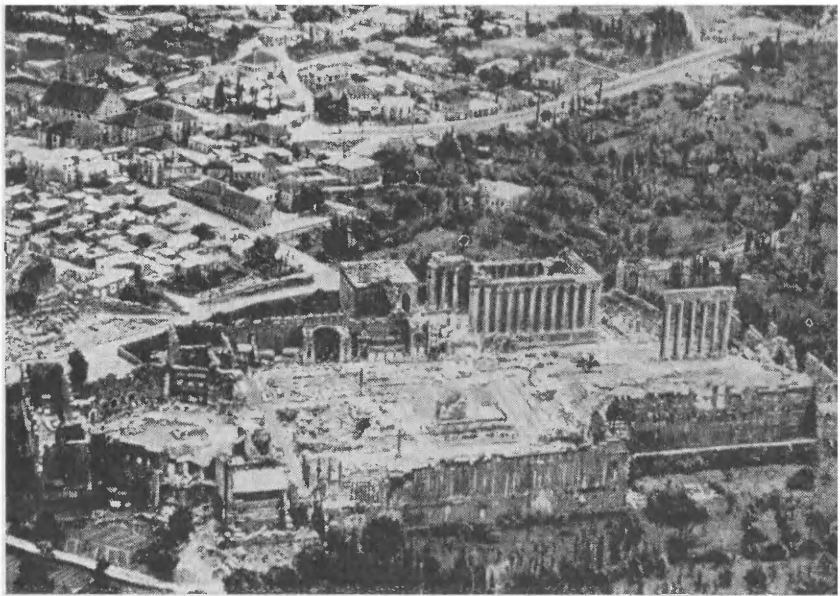
Не везде в Ливане сохранились следы древних цивилизаций. Например, если отправиться в современную Сайду в поисках стоявшего на ее месте древнего Сидона, то невольно вспомнятся слова брюсовского Ассаргадона: «Сидон я ниспроверг и камни бросил в море». От фини-

Остатки Библоса в Джубейле (Жбейле)

кийского города не осталось и следа: последовательно накатывавшиеся на него волны завоевателей на протяжении многих веков буквально стерли его с лица земли. А ведь в свое время Сидон затмевал славой многие финикийские города, такие, как Библос и Угарит! Именно отсюда отправлялись многочисленные экспедиции, колонизовавшие средиземноморское побережье. Сегодня главная историческая достопримечательность Сайды — неплохо сохранившийся Морской замок — крепость крестоносцев XII в., заложенная Фридрихом Барбароссой. Он далеко уходит в море и резко выделяется своими старыми выцветшими камнями на фоне порта, выстроенного почти заново в прошлом веке после землетрясения 1837 г. От XII в. здесь остался также замок святого Людовика, возведенный на месте акрополя древнего Сидона, а от XVII в. — крытый рынок Хан аль-Франдж, выстроенный эмиром Фахр ад-Дином II.

Еще более мусульманский облик имеет центр северного Ливана — Триполи (по-арабски «Тараблюс» в отличие от «Тараблюс аль-Гарб», т. е. «западного Триполи», расположенного в Ливии). Господствующая над го-

Баальбек. На переднем плане — руины Гелиополиса

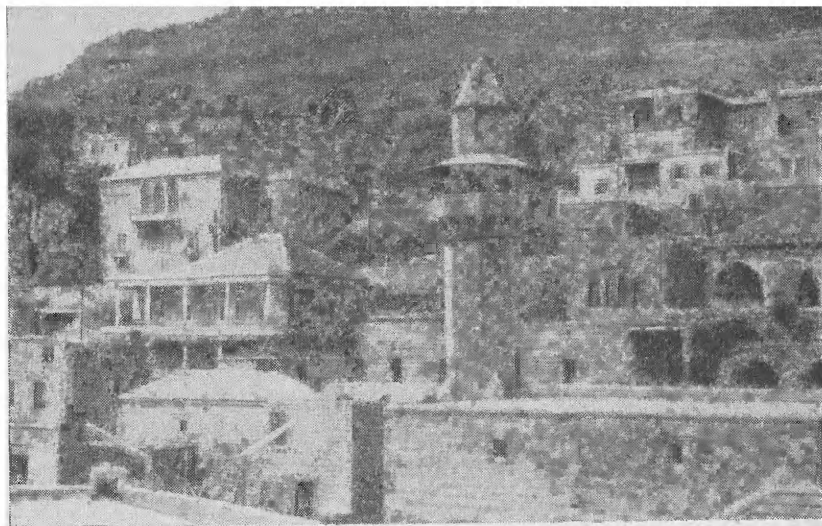
родом цитадель (или «замок Сен-Жиль» в честь предводителя крестоносцев Раймонда де Сен-Жиля), перестроенная мамлюкским султаном Калавуном после изгнания крестоносцев в XIII в., высоко вздымается над густым лесом куполов и минаретов мечетей примыкающей к морю старой части Триполи. Это — главный оплот ливанских ортодоксальных мусульман-суннитов, которые являются потомками выходцев из Сирии, переселившихся сюда в VII в. после арабского завоевания Ливана и бегства всех жителей-византийцев. Окрестности Триполи утопают в апельсиновых садах и пальмовых рощах. Здесь в отличие от самого города немало памятников финикийской и даже еще более ранних эпох (храмы Бзиза, Наус и др.). Но собственно Триполи по своей архитектуре принадлежит в основном мусульманскому средневековью, главным образом эпохе мамлюков. Мечети, медресе, торговые ряды и кварталы с бесконечными аркадами, искусной мозаикой и узорчатыми нишами несут неизгладимую печать XIV—XV вв., хотя, разумеется, с тех пор многое разрушалось, перестраивалось и реставрировалось. Даже названия многих районов города на-

Триполи

поминают о средневековом цеховом ремесле: Хан ас-сабун («квартал мыловаров»), Хан аль-хайтин («квартал портных»). Новые кварталы Триполи, начинающиеся к востоку от «замка Сен-Жиль», похожи на столицу Алжира круто взбирающимися вверх от реки Абу Али многоэтажными домами с характерной для французского зодчества свободной игрой красок и форм зданий.

Свое сравнительно недавнее прошлое ливанцы чтят, пожалуй, не менее, если не более времен древности или крестовых походов. В этом можно убедиться при посещении затерянных в горах труднодоступных селений Дейр аль-Камар («Лунный монастырь») и Бейт ад-Дин («Дом веры»). Первое служило в начале XVII в. резиденцией знаменитого эмира Фахр ад-Дина из рода Маанов, а второе — еще более известного эмира Бешира Великого из династии Шехабов, правившего в прошлом веке. Оба монарха ревностно защищали самостоятельность Ливана в неустанной, иногда вооруженной, иногда изощренно-дипломатической борьбе против тирании и лихоимства турецких султанов и пашей, оба много сде-

Дейр аль-Камар

ляли для укрепления ливанского государства, самобытность и автономия которого в пределах Османской империи наиболее четко вырисовывались именно при этих двух эмирах. Они по справедливости считаются наиболее заметными фигурами в истории Ливана XVII—XIX столетий. Замок Маанов в Дейр аль-Камаре частично превращен в музей. Дворец Бешира в Бейт ад-Дине служит одновременно и местом паломничества туристов и летней резиденцией президента Ливана.

Эмир Фахр ад-Дин, пробывший много лет в Италии, очень любил итальянское зодчество. Лучшие постройки за время его правления созданы флорентийскими архитекторами. Их влияние чувствуется в ливанской архитектуре до настоящего времени; это прежде всего окно «мандолина». Даже мечеть для своих солдат-мусульман Фахр ад-Дин выстроил с наклонным минаретом по типу Пизанской башни. Дворец Бешира в Бейт ад-Дине, наоборот, отмечен печатью восточной роскоши. Его мозаики и арабески выполнены лучшими дамасскими мастерами, а расписные мраморные порталы напоминают об ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде. Этот дворец восторженно описал Ламартин в своем «Путешествии на Восток». Понятно, почему в наши дни президент Ливана именно

здесь, среди подлинно царского великолепия, принимает самых почетных гостей.

Дейр аль-Камар и Бейт ад-Дин до сих пор поставляют Ливану политическую элиту. В Бейт ад-Дине родился первый президент независимого Ливана Бешара аль-Хури, в Дейр аль-Камаре — второй президент, Камиль Шамун. Любопытно, что третьим президентом республики был Фуад Шехаб, двоюродный брат Бешара аль-Хури и дальний потомок Бешира Великого. Поэтому не удивительно, что оба селения являются предметом особой заботы ливанского правительства. Их музейные реликвии, дворцы, мечети, внутренние дворы содержатся в большой сохранности и чистоте, постоянно подновляются. На горных террасах между Дейр аль-Камаром и Бейт ад-Дином при значительной финансовой поддержке государства возобновлены посадки тутовых деревьев, заброшенные более ста лет назад.

Помимо исторических памятников к услугам туристов в Ливане исторические легенды: «Здесь ночевал Помпей», «Там останавливался Александр Македонский», «По этой дороге двигался Навуходоносор». Немало и легенд, ничего общего с историей не имеющих. Почти каждое географическое название связано с какой-либо притчей, каким-либо народным или религиозным преданием. А поскольку в Ливане сосуществуют ислам и христианство, да еще в различных своих проявлениях (сунниты, шииты, друзы, марониты, несториане и др.), то легенд и преданий — хоть отбавляй. По пути из долины Бекаа в Бейрут, в селении Карак Нух (т. е. «Гробница Ноя»), вам расскажут, что именно здесь стоял когда-то Ной, опираясь одной ногой на горы Ливана, а другой — на горы Антиливана. Где-то на побережье, как нам говорили, есть место, где якобы находился рай, из которого были изгнаны Адам и Ева (в Ираке мы узнали, что «на самом деле» рай находился у слияния Тигра и Евфрата). Казино в приморском городке Табарджа называется «Пляж святого Павла» (отсюда, мол, святой Павел морем отправился на остров Крит). На побережье между Бейрутом и Сайдой вам обязательно укажут на небольшую мечеть в селении Наби Юнис: она будто бы стоит на том самом месте, где библейский Иона вышел из чрева кита. В связи с этим в Наби Юнис ежегодно в начале мая устраивается всеобщее праздничное купание в море.

Горный, исторический и туристический Ливан — еще не вся страна. Ее мозгом и сердцем, экономическим и культурным центром является Бейрут — красивый современный город небоскребов, ультрамодернистских отелей, бесчисленных кабаре и ночных реклам. Он подчеркнуто урбанистичен и как бы не желает иметь ничего общего с окружающими его идиллическими пейзажами, горными селениями, зарослями кактусов и стадами овец. Раскинувшись на 15 километров вдоль скалистого берега и на 12 километров в глубину побережья, Бейрут живет в напряженном, нервном ритме. Когда я выразил Эдмону Наиму свое удивление по поводу внешнего безразличия бейрутинцев к славе древней Финикии, он усмехнулся: «Это естественно, ведь мы хотим жить». Это означало, что для бейрутинцев, людей деловых и современных, то, что было, уже не имеет значения. Им просто некогда думать о прошлом, ибо они поглощены настоящим.

Но доходы от туризма весьма интересуют бейрутских торговцев, гидов, владельцев отелей и увеселительных заведений. А туристам хочется воочию убедиться в древности ливанской земли. Поэтому бейрутинцы снисходительно демонстрируют чужакам-иностранцам финикийские, хеттские и арамейские реликвии в Национальном музее, напоминают, что бейрутский лес пиний посажен в 1582 г. при эмире Фахр ад-Дине, и даже дают название «Финикия» отелям и бензоколонкам. Но какого-либо «финикийства» у них не заметишь. Скорее они гордятся тем, что их родина всегда была местом, где сталкивались влияния почти всех мировых цивилизаций. Это проявляется во всем: от огромной схемы в Национальном музее, тщательно учитывающей всех побывавших в Ливане пришельцев и завоевателей древности, до господствующего в общественной жизни наших дней трехязычия (т. е. почти равноправного употребления арабского, французского и английского языка в обиходе, в кино и печати), от стремления давать гостиницам, кабаре и прочим заведениям такого плана названия «понеобычнее» и «позаграничнее» (типа «Вандом», «Сен-Жорж», «Паризиана») до распространенного обычая создавать смешанные частные компании (например, ливано-греческие, ливано-египетские и др.).

История Бейрута, тесно связанная с ранним развитием местного капитализма и давними многообразными отношениями с Европой и Африкой, наложила печать на облик и характер его жителей. С космополитизмом бейрутинцев, их умением изъясняться на многих языках, степенью их европеизации и даже американизации могут сравниться только их практичность, предприимчивость и деловитость. В этом отношении они значительно обогнали жителей, пожалуй, всех других арабских столиц. Любопытно, что академик А. Е. Крымский еще в конце прошлого века обращал внимание на присущие многим бейрутинцам черты капиталистического предпринимательства и торгашества.

Напряженный ритм жизни города сохраняется даже по воскресеньям, когда большинство магазинов закрыто, публики на улицах меньше и движется она медленнее, чем обычно, позволяя себе полюбоваться отлично видными с набережной снежными вершинами гор или прислушаться к умиротворяющему мирские страсти звону церковных колоколов. Если с набережной пройти в центр Бейрута, то глаза буквально разбегаются от нарядных витрин и замысловатых вывесок, от броских названий и сверкающих реклам. Иногда в тесном соседстве находятся рекламы, не имеющие ничего общего: например, советской автомашины «Волга» и шотландского виски, последней модели «Москвича» и «Кока-колы». Жителя Бейрута этим не удивишь: он давно привык к пестрому многообразию и чисто «бродвейской» броскости и яркости.

Для удобства ориентации город поделен на секторы, каждый из которых занумерован: например, сектор Наджме — № 11, Мадждия — № 12, Минат аль-Хосн — № 20, Кантари — № 22, Джунблат — № 32, Санаих — № 41. Номерами снабжены и улицы. К примеру, улица Абд аль-Кадира значится под № 25 по сектору Аз-Зариф и под № 60 — по сектору Серайль.

Архитектура Бейрута необычайно разнообразна. Но в отличие от Каира, с легкостью приемлющего зодчество различных эпох и даже цивилизаций, Бейрут допускает свободу архитектурных помыслов преимущественно в рамках новейших западных течений. Трудно еще где-либо на Арабском Востоке найти такую пестроту форм и раскраски зданий, такое обилие чисто декоративных «излишеств», выполненных к тому же в сугубо модер-

Бейрут ночью

нистской манере. Достаточно обратить внимание хотя бы на форму окон, словно задавшихся целью продемонстрировать все богатство мыслимых в геометрии фигур, на ромбовидные балконы или затейливые барельефы в виде цветных каменных решеток по фасаду. Конечно, есть в Бейруте и старые, вернее, «старомодные» здания, ничем особым не примечательные. Но не они определяют облик города. Более того, их просто не замечаешь среди многочисленных и многоликих современных гигантов, уверенно теснящих все, что есть в городе неприметного, бедного или неоригинального. В частности, резко контрастируют с «типичным» Бейрутом жалкие лачуги палестинских беженцев (нам сказали, что кое-где в подобных «жилищах» обитают и приехавшие из Ирака курды) или полуразвалившиеся хибары армянского квартала в северной части города. Но таких мест немного.

На центральных улицах Бейрута можно увидеть вывески на арабском, английском, французском, армянском, греческом и итальянском языках. Все эти языки, а также турецкую речь можно услышать тут же. Город буквально кишит туристами, заезжими коммерсантами и прочим иноземным людом, легко сливающимся с бейрутинцами, достаточно европеизированными по внешнему виду (впоследствии стало известно, что до июня 1967 г. в Бейруте постоянно проживало более четырех тысяч американских и более шести тысяч английских семей). Лишь иногда на улице или в модном ресторане бросится в глаза белоснежный тюрбан и традиционная одежда какого-нибудь саудовского или кувейтского богача, сверкающего перстнями и золотым шитьем.

Присмотревшись, замечаешь, что пешеходов в Бейруте меньше, чем автомобилей; каждый третий бейрутинец, как нам говорили, имеет машину, а в Бейруте живет половина населения Ливана (свыше 900 тыс. человек). Пересечь любую из главных магистралей столицы почти невозможно: машины идут сплошным потоком, и пешеходы из-за отсутствия официально фиксированных переходов всецело отданы на милость водителей. Полицейских-регулирующих в Бейруте явно не хватает, а обладатели роскошных «кадиллаков» относятся ко всем, кто передвигается пешком, со спокойным полупрезрением.

Центр Бейрута — сплошь магазины, банки, конторы крупнейших авиакомпаний мира. Из семи улиц, расходя-

щихся лучами от площади Этуаль перед парламентом, четыре — торговые и три — банковские. Банки в Бейруте самые различные: ливанские, американские, французские, английские, итальянские, голландские, немецкие и т. п. Названия некоторых из них любопытны: «Бельгийско-ливанский», «Арабо-африканский», «Банк Кувейта и арабского мира», «Банк ливанского процветания», «Банк арабской экономики», «Банк кедров». Всего в Бейруте 93 банка (кстати, в Ливане банк так и называется «банк» в отличие от Сирии, где употребляют арабское слово «масраф»). Бейрут — крупнейший финансовый центр арабского мира. Нигде в арабских странах торговый и финансовый капитал не чувствует себя так прочно и уверенно, как в Ливане, нигде он так тесно не сплетен с западным капитализмом. В значительной степени это объясняется и наличием крупных и довольно зажиточных ливанских колоний за рубежом, главным образом в Северной и Южной Америке, а также в Западной Африке. Эти эмигранты имеют в Бейруте свой «Банк заморского Ливана» и ежегодно собираются здесь на конференцию. Через них в известной степени осуществляется связь ливанской буржуазии с капиталистами США и Западной Европы.

Недалеко от парламента и большинства бейрутских банков, сконцентрированных в этом районе, расположена и основная база более мелкого местного капитализма — городской рынок. Его разноголосый шум слышен издали. Подойдя поближе, начинаешь различать крики: «Ли́ра, ли́ра, ли́ра-а!». Это мелкие торговцы рекламируют самый дешевый товар ценой в одну или несколько лир. Цены на бейрутском рынке несколько выше, чем на дамасском, но товаров больше, и они разнообразнее. Как везде в Бейруте, в глаза бросаются контрасты: между хорошим качеством товаров и малочисленностью покупателей, между «самыми парижскими» модами одежды покупателей и хлюпающей у них под ногами грязью. Конечно, бейрутский рынок не является и не может являться главным центром активности местных дельцов. Он — своего рода дополнение, подпочва для крупных банков и фирм.

Любопытны бейрутские рекламы. Рекламируется буквально все: от ресторанов, отелей и новейших автомашин до зубной пасты, сигарет и всякого рода патен-

тованных лекарств. Особенно красивы бейрутские рекламы ночью, когда они буквально заливают город морем мерцающих неоновых огней, с одинаковой степенью навязчивости предлагая посмотреть непритязательный голливудский боевик и отличный франко-итальянский фильм, посетить роскошный отель в центре города или приткнувшееся к рынку ночное кабаре с дурной репутацией. Характерно, что все западное берется за образец. Дело доходит до того, что арабское название обычно является не переводом, а транскрипцией европейского; например, на одном из небоскребов на набережной можно увидеть огромные латинские литеры, складывающиеся в надпись «Ле кав дю руа» («Пещеры короля»), а под ними — те же французские слова, с грехом пополам начертанные арабской вязью. Это — мелочь, но мелочь символическая. Как рассказывал мне впоследствии один побывавший в Бейруте сириец, многих арабов, приезжающих в Ливан из других стран, возмущает манера бейрутских виртуозов рекламы ориентироваться прежде всего на заезжую публику из Европы и Америки, а уж только потом — на своих соотечественников.

В Бейруте бесчисленное количество кабаре, ночных клубов и ресторанов, предоставляющих туристам различного рода изысканные или даже запретные удовольствия «западного образа жизни». Наибольшей известностью среди заведений подобного рода пользуется «Казино дю Либан» — своеобразный восточный симбиоз театрального ревю со стриптизом, ночного ресторана и славящейся на все Средиземноморье рулетки, соперничающей с игорными домами Монте-Карло. Сюда приезжают развлекаться богачи со всего света, но прежде всего арабские и южноевропейские.

Доходы от туризма и связанных с ним увеселительных заведений международного размаха, от коммерческого транзита, от посреднических операций, от сосредоточения в местных банках наиболее значительных капиталов арабского мира, от торговой деятельности ливанских эмигрантов в развивающихся странах — вот что составляет основу поразившего нас своими внешними проявлениями экономического бума в Ливане*. По-

* После июньских событий 1967 г. от этого бума не осталось и следа. Положение еще более ухудшилось после обострения в 1968 г. обстановки на границе с Израилем.

Этому нет ничего удивительного в том, что здесь раскупаются баснословно дорогие (иногда ценой в 11 тыс. лир) автомобили новейших американских и западногерманских марок, что в Бейруте много новостроек, хотя земля тут дорожает буквально с каждым часом, что мгновенно заселяются фешенебельные квартиры в еще не достроенных домах, хотя обычно дом в среднем возводится всего за три месяца. Человеку, живущему годами в подобной обстановке, трудно не поддаться обманчивому обаянию этого бьющего в глаза «просперити», своим блеском засвечивающего теневые стороны ливанской жизни. Очевидно, это ослепление, а также стремление многих патриотов Ливана всячески подчеркнуть специфику и достижения своей страны и породили весьма распространенный в кругах местной интеллигенции миф о «зажиточном среднем ливанце». Конечно, такой тип существует, и, более того, в условиях своеобразного ливанского бума этот благополучный «зажиточный середняк» будет процветать, предоставляя черную работу и нищенский удел десяткам тысяч палестинских беженцев, курдов, армян и ассирийцев, не говоря уже о сотнях тысяч эмигрантов из соседних арабских стран. Но, безусловно, по мере укрепления экономической независимости других арабских стран они все меньше будут нуждаться в услугах ливанских банков и посредников. По мере осуществления в этих странах революционных преобразований на текущие счета в Бейруте будет переводиться все меньше и меньше средств частных предпринимателей и богачей-эксплуататоров, перед которыми все более явственно вырисовывается перспектива социальной ликвидации. Не это ли время имел в виду Эдмон Наим, говоря о возможности построения в Ливане через несколько десятков лет пусть специфического, но все же социализма? Думаю, что это время наступит гораздо раньше.

На подобные размышления наталкивает прежде всего наблюдение за сегодняшней ливанской действительностью. Для большинства ливанцев, особенно живущих вне Бейрута, космополитизм и «капиталистические взгляды» богатой верхушки чужды и неприемлемы. Их довольно высокий (особенно по сравнению с большинством арабских стран) жизненный уровень определяется трудолюбием и высокой культурой производства.

Достаточно взглянуть на тщательно возделанные банановые рощи, сады, огороды и табачные плантации ливанского побережья, на тянущиеся вдоль моря бесчисленные солянки, на четкую работу портовиков, на слаженность действий рабочих бейрутских новостроек. Обретенное Ливаном положение одного из центров мирового туризма, древнее умение его мореходов, искусство садоводов и строителей также являются залогом того, что страна великолепно сможет прожить, без особого ущерба отказавшись от роли международного маклера и компратора. Только тогда можно будет добиться социальной справедливости и прежде всего справедливо решить якобы не существующую в Ливане, по мнению моих университетских собеседников, острую проблему общественных классов.

ЛИВАНСКИЕ ПАРАДОКСЫ

Ультрасовременность и предпринимательская лихорадка делового Бейрута не определяют и не могут определять целиком и полностью лицо страны. Правильнее было бы, наверное, сказать, что они — лишь один из компонентов противоречивого облика современного Ливана. Не менее важным компонентом является культурная и интеллектуальная жизнь страны, оказывающая к тому же значительное влияние на духовное развитие соседних арабских стран.

В Бейруте мы познакомились с молодым художником Вахибом. Он окончил Высшее художественное училище им. Сурикова в Москве и сейчас преподает рисование в местном Институте рисования и музыки. Положение художника в Ливане отнюдь не блестящее, если только он не работает в каком-нибудь рекламном агентстве. На рекламу здесь денег не жалеют. Но тому, кто не желает делать бизнес на рекламе, приходится туго. Вахиб, например, до сих пор не может снять квартиру в Бейруте, так как ему не по карману платить за жилье 3—4 тыс. лир в год. Вот и приходится ему каждый день тратить несколько часов на поездки из Бейт ад-Дина, где он живет, в столицу и обратно. Дорога эта чудесная, как мы убедились на собственном опыте, и доставляет подлинно эстетическое наслаждение, но... очевидно, не в том

случае, когда человек без конца вынужден ездить по ней в обоих направлениях. Тем не менее Вахиб жизнерадостности не теряет, сохраняет на все свежий и острый взгляд, благодаря чему смог нам показать много интересного в Бейруте. Мне особенно запомнился осмотр выставки молодых художников в помещении Ассоциации ливанских художников, объединяющей около 150 мастеров изобразительного искусства.

Среди картин были самые различные и по уровню мастерства и по художественным направлениям. Мы познакомились как с экспонированными на выставке произведениями, так и с теми, которые находились в резерве и не выставлялись. Преобладающая тематика и тех и других — чудесные пейзажи Ливана, жанровые сценки из городской жизни, колоритные образы простых ливанцев.

По творческой манере и характеру решения темы ливанские живописцы демонстрируют, пожалуй, все разнообразие бытующих сейчас на Западе течений, включая абстракционизм. Но доминируют, как мне показалось, последователи французских импрессионистов. Это естественно: каждый ливанский художник стремится поехать учиться в Париж. Но большинство ливанских мастеров стремятся учитывать местные традиции, по мере возможности показывать краски родной земли и выражать суть национального характера.

Нам удалось побеседовать с находившимся на выставке вице-президентом Ассоциации художников Адилем ас-Сагири. Ратуя за абсолютную свободу субъективных устремлений художников всех творческих направлений, считая, что только так может развиваться изобразительное искусство, наш собеседник обнаружил вначале известную предубежденность против метода социалистического реализма и вообще против всякой «завербованности» в художественном творчестве. Однако постепенно он несколько «оттаял» и высказал, на мой взгляд, весьма ценные мысли: «Я бы с удовольствием приехал в СССР, чтобы своими глазами увидеть то, о чем приходится главным образом читать и слышать. Контакты между деятелями культуры самых разных стран всегда способствуют лучшему взаимопониманию и взаимному обогащению. Всякий художник в своем творчестве национален во всем, что касается духа и специфи-

ческих форм искусства. Но он в то же время должен быть интернационален по уровню технического мастерства и методам решения поставленных перед собой задач. Мы часто бьемся в разных странах над одними и теми же проблемами».

Еще больший интерес представила другая встреча, на этот раз с одним из старейших литераторов Ливана и большим другом нашей страны.

При выезде из долины Бекаа, в том месте, где стоят новенькие дома для офицеров военной базы Райяк, хорошо видна гора Санин (2800 метров), вершина которой окутана облаками и покрыта вечным снегом. На ее склоне расположена небольшая деревня Бискинта, в которой постоянно живет большую часть года широко известный в арабском мире и за его пределами писатель Михаил Нуайме. Во время нашего пребывания в Ливане он находился в Бейруте. Нам удалось встретиться с писателем и провести с ним несколько часов в увлекательной беседе.

Высокий, худощавый, легкодвигающийся, несмотря на свои 78 лет, Михаил Нуайме отлично говорит по-русски: еще до первой мировой войны он учился в полтавской семинарии. В свое время он даже писал стихи на русском языке. Писатель горячо любит русскую литературу и русскую культуру вообще. Он очень много сделал для ознакомления арабской интеллигенции с творчеством великих русских писателей и поэтов. Стихи многих русских поэтов он до сих пор помнит наизусть. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Белинский, Гончаров, Фет, Никитин — для него не просто хорошо знакомые имена. О каждом из них он говорит с любовью, но по-разному, находя какие-то особые, свои слова, иногда, правда, звучащие несколько архаично. Даже сама русская речь Михаила Нуайме, абсолютно правильная в фонетическом отношении, по своему складу и характеру напоминает язык интеллигентных персонажей пьес Чехова и Горького.

Нуайме считается представителем так называемой сиро-американской школы новоарабской литературы, т. е. принадлежит к той группе писателей, которые долгое время жили в Америке и много сделали для усвоения арабскими литераторами форм и жанров американско-европейской литературы. Но во всем его облике отсутст-

вует даже малейший намек на какую-либо «американизацию». Писатель решительно осуждает такие явления ливанской действительности, как «материальность» и предпринимательская изворотливость, называя их «паскудными» (кажется, то был единственный вульгаризм, употребленный им за все время нашего разговора). Это, конечно, вовсе не означает, что Михаил Нуайме пытается отгородиться от современной жизни своей страны. Достаточно было услышать, какую высокую оценку он дал многим современным арабским писателям, в том числе известному ливанскому поэту Адонису, с каким жаром говорил о роли ливанских просветителей в период Арабского возрождения, с какой теплотой отзывался о ливанских писателях более позднего периода, в частности о Джуброне. Думается, что огорчения писателя по поводу присущего многим «средним» ливанцам избытка меркантильности, лишаящего их всякой потребности в высоких идеалах, так же как и по поводу «отсутствия гениев» среди современных арабских литераторов, вызваны горячим патриотизмом и желанием возродить древнюю славу и блеск арабской культуры. В связи с этим Нуайме резко критикует «клерикальный догматизм», который, по его мнению, является одним из главных препятствий для развития литературы в таких арабских странах, как, например, Саудовская Аравия.

Михаил Нуайме является противником многого из того, что распространяется в Ливане не в последнюю очередь в результате американского влияния: материальности, безыдеальности, духа голого чистогана — словом, всего того, что Эдмон Наим назвал бы «капиталистическими взглядами» и «капиталистическими вкусами». И вполне естественно при этом, что Нуайме, как и другие лучшие представители ливанской интеллигенции, хорошо видит пользу укрепления культурных и прочих связей Ливана с СССР. Писатель живо интересуется современной советской литературой, лично знаком со многими советскими писателями. Как поклонника и знагока русской культуры, его радует возросший в нашей стране за последнее время интерес к старинной архитектуре, древним фрескам и всему богатому духовному наследию русского народа. «Я всегда считал,— говорит Михаил Нуайме,— что после того как революция окон-

чательно утвердится, подавив контрреволюцию и уничтожив всякую возможность для ее возрождения, русский народ обязательно обратится к старой культуре и воспримет из нее все ценное. Ведь для того чтобы дальше заглянуть в будущее, нам надо почаще и получше учиться у собственного прошлого».

В заключение писатель рассказывает нам о своей переписке с некоторыми советскими арабистами. Он знаком со всеми переводами его произведений, изданными в Советском Союзе. Несмотря на возраст, Нуайме продолжает работу: он показал нам свою недавно вышедшую из печати новую пьесу «Иов». Характерно, что в отличие от большинства арабских драматургов, пишущих на разговорном диалекте, Михаил Нуайме в своих пьесах пользуется только литературным языком. Он объясняет это тем, что в основе каждой из его пьес «лежат философские раздумья автора, и в них обычно почти нет ничего бытового или комического».

Встреча с Михаилом Нуайме оставила чувство большого удовлетворения, которое всегда получаешь от общения с талантливым, широко образованным, много знающим и много повидавшим человеком. Кроме того, она помогла нам более скептически оценить дух «американизма», столь назойливо стремящийся утвердить себя в Ливане. Как мне кажется, он здесь не утвердился. Действительно, если сопоставить усилия, предпринимаемые США для распространения своего влияния в Ливане, и действительные размеры этого влияния, то оснований для подобного скептицизма будет более чем достаточно. В значительной мере это объясняется тем, что ливанцы сохранили самые неприятные воспоминания о пребывании в стране американских войск летом 1958 г. во время гражданской войны, развернувшейся вследствие неудачной попытки тогдашнего президента Шамуна, ориентировавшегося на США, продлить срок своего правления вопреки конституции.

Главным источником идеологического влияния США в Ливане является американский университет в Бейруте. Он основан в 1866 г. на базе глазной клиники и приюта, созданных американским миссионером Блиссом. В настоящее время это своего рода сэттльмент, хорошо охраняемый и изолированный от остального города, занимающий огромную территорию, на которой свободно

располагаются свыше 50 зданий факультетов, библиотек, специальных залов, научных центров, жилых помещений. Здесь работают многие ливанские и иностранные ученые. В стенах университета за последние годы осуществлено немало серьезных исследований в области как естественных, так и гуманитарных наук. Однако американский университет примечателен не только и даже не столько этим. Здесь — основной центр подготовки проамерикански настроенных научных и педагогических кадров для всего арабского мира. Кроме того, в самом Ливане американский университет призван рекламировать заботу США об арабах. Он усиленно демонстрируется туристам как достопримечательность Бейрута. В красиво оформленных проспектах скрупулезно перечислено, сколько тысяч долларов затратили на возведение того или иного университетского здания фонд Рокфеллера, нефтяной магнат Гульбенкян или одна из обосновавшихся в Ливане протестантских миссий. Поэтому, когда, ознакомившись с этими проспектами, проходишь в потоке экскурсантов за ворота университета, смотришь с каким-то двойственным чувством на аккуратные спортплощадки, теннисные корты и прочие сооружения. Трудно сказать, где здесь кончается первоклассный научно-учебный центр, а где начинается витрина «американского образа жизни» на Арабском Востоке.

Территория университета связана туннелем, проложенным под бейрутской набережной, с собственным участком приморского пляжа. В любой солнечный день (а таких в Бейруте много) на университетском пляже можно видеть студентов и студенток, главным образом из США и ФРГ, разгуливающих в купальных костюмах. Если это происходит не в купальный сезон, до мая или после сентября (нам довелось подобное зрелище наблюдать в апреле), то обычно вдоль парапета набережной собирается толпа ливанцев, молча за всем наблюдающая. Среди них можно увидеть и хорошо одетую «солидную» публику, которая в иных обстоятельствах, очевидно, не прочь продемонстрировать свое «западничество». Но сейчас эти люди вместе со всеми стоящими у парапета смотрят на резвящихся у моря юнцов сугубо осуждающе.

Ливанцы в общем-то отличаются широтой и терпимостью, но совсем не склонны отказываться от собствен-

ного лица и забывать, что они — арабы. В частности, ливанцы не скрывали своего сочувствия Сирии, подвергшейся в апреле 1967 г. налету израильской авиации: все напряженно слушали передачи дамасского радио, ливанская армия была приведена в боевую готовность и производила патрулирование всех дорог, правительство Ливана обратилось к правительству Сирии с предложением помощи. Не следует забывать, что именно в Ливане — казалось бы, наиболее «неарабской» из всех арабских стран — издается больше всего литературы по общим для всех арабов проблемам. На юге страны, в частности в Сайде, можно увидеть лозунги в защиту арабского единства и портреты президента ОАР Насера рядом с портретами президента Ливана Хелу. Это особенно примечательно, если учесть, что на юге Ливана преобладают друзья, т. е. мусульманские сектанты, в обычаях, обрядах и быте которых так много своеобразного, что в Ливане многие даже не считают их мусульманами. Во всяком случае, если при любом ливанце назвать друзей мусульманами, то он вас обязательно поправит: «Они не мусульмане, они — друзья!»

Эта секта очень многое заимствовала из иных религий, в связи с чем другие мусульмане относятся к друзьям с недоверием. На все вопросы о том, в чем же заключаются основные догматы веры друзей, обычно отвечают, что друзья тщательно скрывают все, что относится к их верованиям и обычаям. Друзские храмы, имеющие в плане подковообразную форму, не похожи ни на мечети, ни на церкви. Это обстоятельство, конечно, еще более усиливает впечатление таинственности, производимое друзьями на всех прочих ливанцев. Внешне друзей обычно отличают по одежде. Особенно легко выделить из толпы друзских женщин: они все ходят в черном, а голову и нижнюю половину лица повязывают белой шалью в отличие от ортодоксальных мусульманок, обычно закрывающих лицо хиджабом.

О друзьях в Ливане (как, впрочем, и в Сирии, где ими заселена целая область, так и называемая Джебель-Друз, т. е. «горы друзей»), рассказывают много странного и необычного. Некоторые, приписывая друзьям чуть ли не симпатии к иудаизму и государству Израиль, пытаются обвинить их в пособничестве израильтянам. Убедительнейшим опровержением подобных разговоров слу-

жит неизменная позиция вождя друзей председателя Прогрессивной социалистической партии Ливана Кемаль Джумבלата, неоднократно занимавшего министерские посты. Кемаль Джумблат всегда выступал за социальные преобразования в стране и за тесные связи с теми арабскими государствами, которые эти преобразования осуществляют, прежде всего с ОАР. Следовательно, самого видного представителя ливанских друзей уж никак нельзя обвинить в отсутствии арабского патриотизма. Любопытно, что Эдмон Наим, довольно скептически оценивавший все левые силы в Ливане, охарактеризовал Джумблата как «искреннего социалиста, хотя и выросшего в феодальной среде».

В качестве ярого противника партии Джумблата и вообще левых сил страны выступает реакционная организация «Аль-Катаиб аль-любнанийя» (буквально «ливанские колонны» или «ливанские отряды»), пользующаяся известным влиянием среди буржуазных и мелкобуржуазных слоев христианского населения Ливана. В 1958 г. ее вооруженные дружины были основной ударной силой сторонников президента Шамуна и активно участвовали в гражданской войне. Лидер «Аль-Катаиб» Пьер Жмайель в дни нашего пребывания в Ливане вел агитацию против ОАР, обвиняя правительство Насера ни больше ни меньше как... в намерении установить протекторат над Ливаном, а впоследствии, во время «шестидневной войны», призывал к нейтрализации Ливана по образцу Австрии или Швейцарии. Особенно активно «Аль-Катаиб» действует в центральном Ливане, где больше всего христианской буржуазии. В частности, лозунги организации или просто ее название, выложенные черной арабской вязью по светлому камню, можно видеть на всем протяжении 56-километровой дороги Бейрут—Батрун. Самыми крупными буквами слово «Аль-Катаиб» выложено в том месте, где шоссе сворачивает к знаменитому «Казино дю Либан». Это вполне естественно: именно среди сорящих деньгами посетителей казино «Аль-Катаиб» может рассчитывать на максимальное сочувствие.

Было бы, однако, неверно предполагать, что какая-нибудь одна партия или организация в Ливане обладает политической монополией в каком-либо районе или внутри той или иной религиозной общины. Вряд ли все друзья поддерживают Джумблата, и, конечно, далеко не все

христиане питают симпатии к «Аль-Катаиб». В стране действуют другие политические партии, в том числе функционирующие не на региональной или национально-религиозной основе. Не следует забывать и о том, что здесь существуют сравнительно благоприятные условия для развития рабочего и профсоюзного движения. Для общественной жизни Ливана характерны умеренность и терпимость, питаемые не в последнюю очередь отсутствием монополии определенных лидеров или организованных сил на политическую власть или хотя бы на преобладающее политическое влияние в стране. Поэтому, как мне показалось, в чьих бы руках ни находилась власть в Ливане, правящая в каждый данный момент группа старается, как говорится, «соблюсти приличия» по отношению к оппозиции и вообще к тем, кто находится не у дел, но может вновь всплыть на поверхность.

Вот лишь некоторые, может быть даже не очень значительные и показательные, но запомнившиеся иллюстрации политической терпимости сегодняшнего Ливана: 1) в одних и тех же газетных киосках можно приобрести прессу всех направлений: от прогрессивной «Аль-Ахбар» до легкомысленных полуцензурных изданий и даже газеты «Аль-Амаль» (органа «Аль-Катаиб»); 2) в Бейруте есть улицы, названные именами всех президентов Ливана: от Бешары аль-Хури до ныне стоящего у власти Шарля Хелу, несмотря на то что они отнюдь не отличаются сходством политических позиций; 3) отстраненный от власти в ходе гражданской войны 1958 г. бывший президент Камиль Шамун, несмотря на антипатию, питаемую к нему значительной частью населения, по-прежнему пользуется известным авторитетом и влиянием (туристам показывают загородную виллу Шамуна южнее Бейрута, его имя носит крупнейший в столице стадион).

Пестрота религиозно-этнического состава населения и широкая терпимость, многообразие политических течений и относительная умеренность политических нравов, кипучесть и развитость общественной жизни, с одной стороны, и, пожалуй, максимальная стабильность политического режима, с другой — вот что бросается в глаза даже при поверхностном ознакомлении с основами функционирования социально-политического механизма Ливана. Это, пожалуй, последний по счету, но первый по впечатляемости из ливанских парадоксов.

МЕЖДУ ТИГРОМ И ЕВФРАТОМ

Наше путешествие по Арабскому Востоку завершилось пятидневной поездкой по Ираку — древней Месопотамии, т. е. Междуречью, или Двуречью по-древнегречески. Такое название страна носила издавна ввиду ее чрезвычайно благоприятного расположения по течению двух великих азиатских рек—Тигра и Евфрата. Роль этих рек, как бы окаймляющих Месопотамию в виде естественных рубежей, столь же значительна и важна для всей ее жизни, как и роль Нила для Египта. Современный Ирак гораздо обширнее исторической Месопотамии: он включает также горы Курдистана на севере, часть сирийских и аравийских пустынь на западе и юге. Но стержнем, основой территории Ирака остается Двуречье. Даже нынешнее название страны (по-арабски «Ирак» означает «берег, побережье») связано с проходящими через нее большими водными путями и с обычаем всех обитателей Двуречья — с незапамятных времен и до наших дней — селиться преимущественно на берегах Тигра и Евфрата или в близлежащих районах.

Долина Двуречья — один из древнейших очагов человеческой культуры. Люди жили здесь еще 60 тысяч лет назад. Вот почему путеводители именуют Месопотамию «возможным местом зарождения человеческой расы». Именно в долинах Тигра и Евфрата были изобретены первые известные нам земледельческие орудия и методы обработки почвы, изготовлены первые лекарства и сделаны первые астрономические наблюдения. Не менее богаты духовное наследие обитателей Месопотамии и их сложная, насыщенная бурными полуполюгендарными событиями политическая история. Поэтому рассказ об Ираке хочется начать с того, что было когда-то, в далекие-да-

лекие времена, но что наложило неизгладимую печать и на сегодняшний день древнего Двуречья и на развитие мировой культуры в целом.

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ..

Воспетый библейской традицией знаменитый «плач на реках вавилонских», т. е. скорбь плененных Навуходоносором иудеев по утраченной родине, звучал именно на берегах Тигра и Евфрата, так как Вавилон, в окрестностях которого были расселены палестинские пленники, стоял на среднем течении Евфрата в месте его сближения с Тигром. Но еще задолго до возникновения и возвышения Вавилона на берегах этих рек произошло немало интересного и поучительного.

Еще в 4-м тысячелетии до нашей эры здесь жили шумеры, создавшие замечательную цивилизацию, одну из древнейших в мире и самую древнюю на земле Двуречья. Свыше пяти тысяч лет назад шумеры уже пользовались изобретенной ими письменностью, возводили великолепные постройки, прокладывали каналы для искусственного орошения, создавали изумительные произведения литературы и искусства, в том числе древнейший на земном шаре эпос — поэму о Гильгамеше. Великие ценности шумерской цивилизации были в дальнейшем восприняты другими народами — вавилонянами, ассирийцами, халдеями и арамейцами, населявшими долину Двуречья в последующие века, а через них стали достоянием культуры всего человечества. Многие мифы и легенды, религиозные представления и сказочные предания, бытовавшие, а кое-где бытующие и сейчас у самых разных народов, непосредственно заимствованы у шумеров. Это относится, в частности, к большинству библейских легенд, например к мифам о всемирном потопе и приключениях Ноева ковчега, о сотворении Евы из ребра Адама и о грехопадении первого человека, пожелавшего познать добро и зло, о змее-искусителе, об Иове и т. д.

Примерно за две тысячи лет до нашей эры государство шумеров уступило место Вавилонскому царству, которое добилось огромных успехов не только в сохранении и творческом развитии материальных и духовных достижений шумерской культуры, но и в наращивании

военного и политического могущества. Именно в древнем Вавилоне был разработан первый в истории человечества свод законов, изданный при царе Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). Вавилоняне изобрели первый лунный календарь (деливший год на 12 месяцев), составили первую карту звездного неба, научились вычислять площади почти всех геометрических фигур и решать уравнения с двумя неизвестными. Вавилонские врачи хорошо знали анатомию человека и свойства многих целебных трав, умели готовить лекарства и производить сложные операции, например операции глаза. Употреблявшиеся вавилонянами шестидесятиричные дроби сохранились до наших дней в мерах времени (минуты, секунды) и окружности (градусы). Немало преуспели они в изготовлении различных красок и вообще в прикладной химии.

Используя лучшие образцы шумерского наследия, вавилоняне создали богатую литературу. Вавилонская поэма «Энума элиш», хотя и содержит легенду о сотворении мира, сильно отличающуюся от библейской, тем не менее имеет с последней ряд любопытных совпадений: в обоих вариантах этой, очевидно самой древней в истории человечества, легенды сначала возникают небо и небесные тела, затем вода отделяется от земли, на шестой день происходит сотворение человека, а на седьмой день творец (бог в Библии и все боги в вавилонской легенде) отдыхает.

Претерпев немало невзгод на протяжении долгих веков, в течение которых одни завоеватели сменяли других, воссозданный халдеями Вавилон в VII в. до н. э. вновь стал столицей Двуречья и, пожалуй, всего Ближнего Востока древности, распространив свою власть на Сирию, Финикию и Палестину. Этот купавшийся в роскоши город с миллионным населением был отделен от густой зелени окружающих его садов двойными стенами многометровой толщины с шестью сотнями сторожевых башен. Бытующее сейчас выражение «вавилонское столпотворение» хорошо передает сутолоку и оживление большого торгово-финансового и культурно-политического центра, которым был тогда Вавилон, многолюдность и национальную пестроту его населения, характерные для него столкновение и смешение обычаев, нравов и морально-этических представлений множества непохожих друг на друга племен и народов.

В новом Вавилоне был реставрирован зиккурат — семиярусная башня 90-метровой высоты, выстроенная еще в 3-м тысячелетии до нашей эры. Подобные зиккураты различной формы и высоты возводились в древнем Двуречье почти во всех городах. Они представляли собой своеобразные ступенчатые пирамиды, на самой верхушке которых обычно находилось святилище местного божества. Зиккурат в Вавилоне, самый большой из всех, был посвящен главному вавилонскому богу Мардуку. По мнению многих ученых, этот зиккурат явился прообразом описанной в Библии «вавилонской башни», которую возгордившиеся люди будто бы намеревались выстроить до самого неба, но бог, решивший не допустить этого, смешал их языки, что вынудило строителей отступить. В этой легенде правда и вымысел совмещены самым причудливым образом: вавилонский зиккурат вряд ли претендовал на то, чтобы достигнуть неба, однако иудеи, ненавидевшие покорителей-вавилонян, охотно приписали им горделивые замыслы, окончившиеся, как и следовало ожидать, провалом. Возможно, что в многонациональном Вавилоне среди мастеров, участвовавших в реставрационных работах, были люди, говорившие на разных языках, что могло затруднить ход работ. Наконец, археологи установили, что при постройке зиккурата действительно были использованы обожженный кирпич и речная глина, указанные в Библии как материал, из которого пытались выстроить «вавилонскую башню».

При самом известном вавилонском царе нового периода — Навуходоносоре II, прославившемся своим полководческим даром, деспотизмом и прочими государственными талантами, были выстроены на террасах, поддерживаемых кирпичными арками, знаменитые висячие сады («сады Семирамиды»), которые древние греки считали одним из семи чудес света. Навуходоносор вообще оставил яркий след в истории. Его плохая репутация в глазах последующих поколений, очевидно, во многом объясняется тем, что в свое время почти единственным источником сведений о деятельности этого царя была Библия, на страницах которой Навуходоносор выступает прежде всего как жестокий покоритель Иудеи, разрушитель Иерусалима и виновник «вавилонского пленения» иудеев. Подмоченную репутацию потом бывает очень трудно восстановить. Это и случилось с Навуходоносо-

ром, который вплоть до наших дней не может добиться полной реабилитации. Особой нужды, правда, в этом нет, так как он отнюдь не был кротким агнцем на троне и подобно всем древневосточным и некоторым современным правителям не останавливался перед любой жестокостью, если признавал ее целесообразной.

Между периодами возвышения древнего и нового Вавилона лежит несколько веков господства в Двуречье воинственной Ассирийской державы. Ассирийские цари завоевали не только Вавилон, но и почти всю Переднюю Азию от нынешнего Персидского залива до Средиземного моря, а также Египет. Многочисленные войны способствовали совершенствованию техники ассирийцев, строительству в больших масштабах дорог и мостов. В VII в. до н. э. ими был сооружен первый известный нам акведук. Последний могущественный царь Ассирии Ашшурбанипал собрал первую известную историкам библиотеку, составленную из десятков тысяч клинописных текстов.

История древнего Двуречья знала и безжалостные нашествия, разрушения, массовую гибель людей. Разорению, а иногда даже полному исчезновению многолюдных и цветущих городов способствовал издревле сложившийся в Месопотамии обычай сжигать захваченные селения, а жителей уводить в плен. Вот почему уже более двух тысяч лет назад почти от всех легендарно прославленных городов Двуречья остались лишь одни развалины. Перестав играть самостоятельную роль в истории древнего мира, Двуречье поочередно входило в состав древнеперсидского царства, греко-македонской державы Селевкидов, парфянского царства и персидского государства Сасанидов. Столица Сасанидов — Ктесифон — находилась на левом берегу Тигра, из чего следует заключить, что персы считали Двуречье вполне иранизированной областью.

Тем не менее арабам, завоевавшим Месопотамию после разгрома сасанидской армии при Кадисии в 637 г., удалось быстро освоить страну. Коренное население, состоявшее из потомков вавилонян (халдеев) и ассирийцев, говорившее на семитическом языке, родственном арабскому, скоро стало смешиваться с пришедшими из пустынь Аравии кочевниками и переходить в ислам. Выстроенные арабами города Куфа на Евфрате и Багдад на Тигре стали важнейшими центрами политической и

культурной жизни: Куфа была первым главным городом арабского Ирака, а Багдад с середины VIII в. стал столицей халифата Аббасидов, который так и назывался Багдадским.

Ирак становится на длительное время самой важной и цветущей провинцией халифата. Аббасиды восстановили здесь древние ирригационные сооружения и существенно их дополнили, заботились о градостроительстве, поощряли всемерное развитие торговли, ремесел, науки и искусства. Именно при Аббасидах начинается в VIII—IX вв. расцвет средневековой арабской культуры. Созданная арабами и представителями других народностей халифата на основе творческого восприятия и развития крупнейших достижений предшествовавших цивилизаций — от древнегреческой до иранской, — она внесла крупнейший вклад в сокровищницу мировой культуры. При дворе багдадских халифов жили лучшие ученые и философы того времени, знаменитые врачи, поэты и музыканты. Именно через арабов Европа постепенно знакомилась с воспринятой из Индии системой цифр (ныне они приняты повсеместно и называются арабскими), с переведенными на арабский язык произведениями Эвклида и Птолемея, Платона и Аристотеля, Гиппократ и Галена, с изобретенными в Китае компасом и бумагой. Арабская культура оказала значительное влияние на культуру многих народов Европы, Африки, Закавказья, Средней Азии, Индии.

Однако судьба вновь оказалась немилостивой к долинам Тигра и Евфрата. Казалось, какой-то рок преследует эту родину многих цивилизаций. Постепенный упадок халифата Аббасидов сопровождался нашествиями завоевателей. Турок-сельджуков сменили монголы, разрушившие и разорившие Багдад. После этого Багдад, отстроившись, был уничтожен Тимуром. В дальнейшем страна долгое время служила яблоком раздора между Турцией и Ираном, много раз целиком или частично переходя из рук в руки.

Всего сказанного вполне достаточно, чтобы понять, что «плач на реках вавилонских» звучал, не умолкая, через многие сотни лет и даже тысячелетия после того, как Вавилон превратился в руины. Обитатели Двуречья упорно трудились, продолжая традиции своих предков. Но снова и снова орды иноземного воинства, наводнявшие

страну, безжалостно разрушали оросительные сооружения, дворцы и храмы, жгли города и села, истребляли жителей или угоняли их на чужбину, в первую очередь ученых, архитекторов, искусных мастеров и ремесленников. Плодородные земли, лишенные орошения и заботливой руки пахаря, засыхали, пепелища когда-то прекрасных городов заносились песками, а народ, лишенный своих лучших и талантливейших представителей, вынужден был начинать все сначала.

На долю Двуречья выпала трагическая миссия: из века в век его богатейшим культурным наследием пользовался весь цивилизованный мир, а сами жители Месопотамии истреблялись или унетались сменявшими друг друга беспощадными завоевателями. С каждым новым нашествием, с каждым приходом очередных чужеземных властителей, жестокость которых обычно могла сравниться только с их невежеством, все труднее и труднее было восстанавливать разрушенные города, деревни, систему ирригации. Многие города так и не возродились из пепла: их некому было отстраивать, да и не для кого — ремесла пришли в запустение, торговля захирела. Некому часто было и пустить воду на заброшенные поля.

В XVII в. когда-то богатая и цветущая страна превратилась в одну из самых отсталых провинций Османской империи. Грабеж и лихоимство турецких пашей, застой экономической, общественной и культурной жизни душили Месопотамию несколько столетий.

Очень многое должно было произойти на берегах Тигра и Евфрата, чтобы Ирак стал таким, каким мы его знаем сейчас: ликвидация турецкого ига после первой мировой войны, создание национальной государственности, избавление от английского господства и тот качественный скачок во всех областях жизни страны, каким явилась июльская революция 1958 г.

Следы тысячелетних испытаний до сих пор накладывают печать на современный облик Ирака. Опыт предшествующих веков даром не проходит и быстро не забывается. Его влияние всегда ощутимо в хозяйственной, культурной и особенно общественно-политической жизни страны, в национальном характере народа. Забыв это, нельзя правильно ответить на вопрос о том, что представляют собой сегодняшний Ирак и его жители.

Теплым апрельским вечером мы сидели в одном из багдадских ресторанов, которые здесь именуется «казино», на берегу широкого и прямого канала Армии, впадающего в Тигр. С нами были доктор Юсуф Иззаддин, писатель и историк, одновременно генеральный секретарь Иракской Академии наук и генеральный секретарь Союза писателей Ирака, а также египетская поэтесса Карима, только что прибывшая в Багдад. Говорили, естественно, об арабской литературе, об использовании традиций классического наследия и разумном их совмещении с новейшими веяниями, что волнует ныне многих арабских писателей и особенно поэтов. Речь зашла о судьбах арабского литературного языка, о возможности его слияния в ходе дальнейшего развития современной арабской литературы с разговорным диалектом, на котором уже давно пишутся пьесы и сатирические произведения. Все согласилось с тем, что только такой синтезированный язык может стать общим (и письменным и устным) для всех арабов. Литературный язык, на котором шла беседа, понятен образованному человеку в любой арабской стране. Но с каким именно диалектом его надо объединить и вообще что взять за основу? Юсуф Иззаддин считал, что проблемы никакой нет: за основу необходимо взять литературный язык. «Вы же понимаете меня,— сказал он, обращаясь к Кариме,— а если в моей речи и проскользнет какое-нибудь диалектальное слово, то ведь это заметной трудности для понимания не создает». «Я с вами согласна,— ответила египтянка,— но все же думаю, что в будущем общим для всех арабов станет египетский диалект, который ближе к литературному языку, чем все остальные арабские диалекты».

Этот на первый взгляд чисто филологический спор вспоминается потому, что затрагивает более глубокие проблемы. Дело в том, что во всех арабских странах значительный процент населения остается неграмотным, а значит, и лишенным возможности говорить на литературном языке и часто даже понимать его. Пожалуй, большинство жителей той или иной арабской страны знают и понимают только свой диалект, который сильно отличается от бытующих в других странах. В иракском диалекте, например, имеются звуки «п» и «ч», отсутствующие как

в литературном языке, так и в других арабских диалектах. Произношение у иракцев более резкое, чем у сирийцев. Ряд общеупотребительных слов иракского диалекта арамейского, а не арабского происхождения: «аку» (есть, имеется) вместо египетско-сирийского «фи»; «маку» (нет, отсутствует) вместо распространенного почти во всем арабском мире «мафиш»; «бали» (да) вместо общеарабского «на'м» или «айуа». И тем не менее иракцы могут понять египтян и легко уловить смысл действия в египетском фильме или пьесе, который почти в любой вечер можно увидеть по багдадскому телевидению.

Тесные культурные связи между арабскими странами и знакомство, хотя бы самое беглое, почти всех арабов с египетским диалектом — факт бесспорный. Но не менее бесспорна и повышенная чувствительность, даже какая-то ревнивая настороженность, проглядывающая в отношении арабов одной страны к любому проявлению приоритета или преимущества арабов из другой страны. Это находит свое выражение прежде всего в исключительном обилии и многообразии точек зрения на формы и методы осуществления арабского единства, которое является постоянной и неисчерпаемой темой для бесед в любом правительственном учреждении или учебном заведении, в любой кофейне или частном доме. Иногда это принимает курьезные формы. Нам, к примеру, рассказывали, что, когда в Ирак поступил арабский перевод одного из произведений Горького, некоторые иракцы, отыскав в тексте всего лишь несколько слов, взятых переводчиком из сирийского диалекта, недовольно ворчали: «Почему здесь употреблен сирийский диалект? Отчего не иракский? Надо было весь текст дать на литературном языке! Тогда не было бы никаких споров и недоразумений».

Помимо лингвистических различий, которые вполне преодолимы, буквально с первых часов пребывания в Ираке бросаются в глаза внешние различия между иракцами и, скажем, сирийцами и ливанцами. Если в Сирии и Ливане не всегда легко определить внешность, наиболее характерную для уроженца данной страны, то в Ираке это сделать гораздо проще: подавляющее большинство попадающихся навстречу людей — смуглые черноглазые коренастые брюнеты, несколько напоминающие азербайджанцев. Объясняется это тем, что иракские арабы более однородны по происхождению, чем сирийцы и ли-

ванцы, особенно горожане Сирии и Ливана, в среде которых сравнительно свободно идет процесс смешения представителей самых различных национальностей и этнических групп. В Ираке такой процесс затруднен и замедлен в силу большей, чем в других развитых арабских странах, замкнутости национально-религиозных общин.

О большой приверженности иракцев к старым традициям говорит и такой факт, как сохранение большинством иракских горожан (о сельских жителях нечего и говорить) родо-племенных связей. Часто встречаются иракцы даже с дипломом Багдадского университета или долго учившиеся за границей, которые знают, к какой именно «ашире», т. е. ветви того или иного племени, они принадлежат. Один молодой багдадец, некоторое время сбучавшийся в Москве, сообщил нам, что он принадлежит к ашире «дзуббури» и пользуется помощью многих сородичей, которым больше повезло в жизни. Аширы обычно объединяются в «кабила» (т. е. племя), но вот уж название своего племени знает не всякий иракец, особенно горожанин, который практически связан лишь с аширой. Любопытно, что кочевники-бедуины, для которых родо-племенная организация еще не потеряла своего социального смысла, сегодня составляют всего несколько процентов населения страны. Для остальных же арабов Ирака это — пережиток, но очень устойчивый. Нам рассказывали о том, как ашира может выступить в защиту своего сродича, как ее вмешательство сплошь и рядом питает еще не изжитый обычай кровной мести и как своеобразно влияет подобное положение на общественно-политическую жизнь.

Деление на племена и аширы — одно из важных отличий населения Ирака от египтян, сирийцев и ливанцев, большинство которых либо никогда не принадлежали к племенам, либо давно забыли свою генеалогию, смешавшись с неарабскими по происхождению этническими группами. В Ираке тоже имеются национальные меньшинства: курды, составляющие примерно пятую часть всего населения страны; туркмены, поселенные здесь еще турками в военных целях; армяне, бежавшие от турецких преследований; ассирийцы — потомки древнего населения Месопотамии. Однако отношения этих меньшинств с иракскими арабами оставляют желать лучшего. Со времен английского господства, например, существует

напряженность в отношениях между арабами и курдами, арабами и ассирийцами. Национальные конфликты, как и пережитки родо-племенного строя, во многом мешают делу социального прогресса в Ираке.

Несколько мрачное впечатление производят черные покрывала иракских мусульманок — «абайи». Разумеется, далеко не все женщины носят абайю, и на улицах Багдада можно встретить достаточно молодых горожанок в европейских платьях. И все же абайя и хиджаб, встречающийся здесь чаще, чем в Сирии, говорят о нелегкой еще доле иракской женщины в наши дни. Даже многие женщины из интеллигентной среды носят абайю, чтобы не выделяться, не бросать вызова общественному мнению. Наш гид, молодой человек весьма прогрессивных взглядов, рассказывал, что его сестра, студентка математического факультета Багдадского университета, вышла замуж за офицера, учившегося в США и не требовавшего от нее ношения покрывала или хиджаба. Тем не менее она предпочитает носить абайю, потому что так «удобнее и приличнее перед людьми». О такого рода аргументах мы вспоминали, когда видели на улицах иракских городов молодых женщин и девушек в абайях, наброшенных поверх европейских костюмов. Как нам сказали, так поступают интеллигентные мусульманки, принадлежащие к обоим исламским направлениям, распространенным в Ираке: и к шиизму и к суннизму.

Все это не показалось нам удивительным после того, как мы подробнее познакомились с повседневной жизнью Ирака. Все предписания ислама, касающиеся поведения женщин, выполняются здесь гораздо строже, чем во многих других арабских странах, а нарушение этих предписаний влечет за собой немедленную и жестокую кару. Нам рассказывали о том, что и в Багдаде случаются «убийства чести», т. е. убийства из ревности или только по ревнивому подозрению, освященные страшным обычаем прошлых веков. И несмотря на то что после июльской революции 1958 г. подобные преступления стали преследоваться в судебном порядке, случаи такого рода еще далеко не изжиты.

Внешний вид иракцев свидетельствует о сочетании национальных традиций с веяниями сугубо современными. Черные или коричневые халаты, напоминающие египетские галабии, клетчатая куфийя, распространенная

здесь не меньше, чем в Сирии, говорят о том, что большинство жителей Ирака, особенно в деревнях, предпочитают носить национальную одежду. Очень многие комбинируют элементы национального и европейского одеяния: например, надевают куфийю или феску при европейском костюме или пиджак поверх длинной до пят рубахи. Городское зажиточное население часто одевается только по-европейски.

Многие нравы и обычаи иракских арабов объясняются тем, что значительная часть городского и сельского населения современного Ирака очень многое заимствовала от своих непосредственных предков — кочевников и полукочевников, лишь в прошлом веке начавших переходить к оседлому образу жизни и соответствующим занятиям. Возможно, этим можно объяснить и некоторые общепризнанные черты в характере иракцев: резковатость в обращении, постоянную готовность к немедленным и решительным действиям, независимость суждений и нежелание их скрывать, стремление всегда занять ясную и открытую позицию в любом деле. Не всегда демонстрируя обычные на Востоке обходительность и дипломатическую изощренность, они, как правило, искренни и устойчивы в своих симпатиях и антипатиях.

Иракцы, несмотря на то что история их страны насчитывает 6 тысяч лет, являются молодым народом. Особенно много молодежи в городах, которые сами сравнительно молоды: здания, сохранившиеся со времен средних веков, здесь можно буквально пересчитать по пальцам, и так же редки семьи, которые могут похвалиться многовековой традицией городской жизни. Молодежь, кипящая энергией и жаждой знаний, одержимая горячим стремлением к созиданию лучшего будущего, — вот наиболее заметное и ценное качество арабского населения древнего Двуречья.

ГОРОД «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

Багдад — столица Иракской Республики — существует уже более 1200 лет. Стоит только произнести его название, как тотчас на память приходят знаменитые арабские сказки «Тысячи и одной ночи», многие из которых созданы в Багдаде и повествуют о делах, в этом городе

Багдад сегодня

происходивших. Основанный вторым аббасидским халифом, Мансуром, недалеко от бывшей сасанидской столицы Ктесифона, город официально был назван Мадинат ас-салям, т. е. «город мира», или «город благоденствия», но за ним так и сохранилось название существовавшего здесь ранее местечка Багдад, что в переводе со среднеперсидского языка означает «данный богом». Он был особенно прославлен пятым правителем из династии Аббасидов, Харуном ар-Рашидом, при котором халифат был в зените славы и могущества, а его столица Багдад — мировым центром ремесел, торговли и искусств, местом встречи посланцев Европы, Африки, Индии и Китая. Народная молва, отразившаяся, в частности, в сказках «Тысячи и одной ночи», рисует Харуна ар-Рашида самым мудрым, гуманным и рассудительным из всех халифов, любившим часто переодеваться в простую одежду и посещать инкогнито кварталы бедняков. Но сказочный образ Харуна ар-Рашида совершенно не соответствует своему историческому прототипу. В действительности этот халиф, коварный и деспотичный, боялся жить в Багдаде и появлялся там обычно для сбора податей и для

расправ с непокорными жителями. Его пример показывает, что хорошие репутации, как и плохие, тоже бывают незаслуженными.

В эпоху халифов Багдад был окружен двойным кольцом крепостных стен. С тех пор немало воды утекло в Тигре, и от старого города не осталось и следа. Сегодня Багдад свободно раскинулся на много километров по обоим берегам Тигра. Если пролетать над ним на самолете ночью, то внизу будут видны бесконечные ряды огней, пересекающиеся под прямыми углами. Город занимает территорию, явно превышающую размеры Дамаска или Бейрута. Однако его растянутость в длину и ширину объясняется в первую очередь не количеством жителей (население Багдада примерно равно населению Бейрута), а обилием старых одноэтажных домов, как правило неблагоустроенных и окруженных слепыми, без окон, стенами. Правительство республики не может сразу ликвидировать наследие тяжелого прошлого: пока снесены лишь сарифы, т. е. самые жалкие лачуги из жести и всевозможного хлама.

Все важнейшие учреждения и достопримечательности города тяготеют к широкому светлому Тигру. Мосты через Тигр почти все носят названия, данные им после национально-демократической революции 14 июля 1958 г.: мост 14 июля, мост Республики, мост Борцов за свободу, мост Мучеников. На правом берегу Тигра расположен дворец Рихаб, служивший когда-то последним оплотом монархии, а теперь являющийся местопребыванием департамента по делам туризма. Здесь же — окруженный стрельчатой оградой Республиканский дворец (бывший дворец последней королевы, ныне — резиденция президента Ирака). От него улица Аль-Кинди, минуя ряд утопающих в зелени посольств, в том числе СССР, США, Франции, ведет к зданию парламента, в котором сейчас разместились канцелярия премьер-министра. Потом можно свернуть направо, на улицу 14 июля, и пересечь Тигр по мосту Республики или же продолжить путь вверх по течению Тигра вплоть до площади Джамалья Абд ан-Насира (т. е. Гамалья Абдель Насера — иракцы, как и большинство арабов, говорят «дж» вместо египетского «г» и стараются все имена и названия произносить в соответствии с требованиями литературного, а не разговорного языка). От этой площади рукой подать до моста

Начало улицы Харуна ар-Рашида в Багдаде

Борцов за свободу, который выводит на левый берег Тигра недалеко от главной торговой улицы (Багдада, названной именем Харуна ар-Рашида^{*}. Здесь расположены многочисленные магазины, конторы, кафе, отели и кино-театры, а также многие государственные учреждения. На сравнительно узкой улице Харуна ар-Рашида находится 18-этажный Центральный банк Ирака — самое высокое здание города. В основном же дома здесь в два, три, редко в четыре этажа. При этом верхние этажи выступают над первым и поддерживаются бесконечным, почти во всю длину улицы, рядом потемневших от времени колонн, образуя естественный навес, защищающий от солнца многочисленных прохожих этой самой оживленной артерии города.

Улица Харуна ар-Рашида, как и прилегающие к ней

^{*} Эта улица — не единственное место в Багдаде, напоминающее о сказочном халифе. В северной части города расположена многогранная ступенчатая постройка с ячеистым куполом. По преданию, это — мавзолей Зубейды, жены Харуна ар-Рашида. На самом деле мавзолей был сооружен через 400 лет после смерти Харуна ар-Рашида, и в нем похоронена жена совсем другого халифа.

узкие улочки крытого старого рынка, сплошь забитые лавками мелких торговцев и мастерскими ремесленников, более спокойны, чем коммерческие кварталы Дамаска или Бейрута. Иракцы не торгуются так ожесточенно, как ливанцы, и вообще производят впечатление людей более замкнутых и стремящихся сдерживать свой пылкий темперамент. Возможно, это объясняется еще и тем, что торговцы в меньшей степени избалованы заезжими иноземными толстосумами. Это проявляется во многом. Например, с рекламами и вывесками здесь картина прямо противоположная той, которую мы наблюдали в Ливане: там арабская надпись побуквенно копировала европейское название, а здесь латинскими буквами дублируется арабское название, которое дается вверху и является основным. Подобного рода детали в сочетании с явным преобладанием в книжных магазинах арабоязычной литературы и бóльшим, чем в Сирии и Ливане, количеством египетских фильмов, идущих в местных кинотеатрах, создают определенное настроение: иракцы гораздо менее, нежели их соседи, склонны приспособливаться к изменчивым вкусам туристов, они не скрывают стремления думать в первую очередь о своих нуждах, а не об удобствах для иностранцев.

С улицы Харуна ар-Рашида (она почти достигает Тигра у моста Республики и как бы переходит в набережную Абу Нуваса, названную в честь знаменитого поэта, прославившегося своими стихами, остроумием и разгульной жизнью при дворе Харуна ар-Рашида) попадаешь на вторую центральную магистраль Багдада — улицу Саадунa. Это — широкий проспект с новыми современными жилыми зданиями, крупнейшим кинотеатром столицы «Наср» (т. е. «Победа»), изысканными виллами иностранных миссий, торговых представительств и культурных центров, шикарными ресторанами, рекламными бюро и фешенебельными отелями. Кроме того, это улица новостроек. Мы жили здесь в новеньком, пахнущем известкой и свежей краской отеле «Ашшурбанипал», который выстроен буквально за год до нашего приезда в Багдад. И он не единственный в своем роде. Во многих местах этой, пожалуй наиболее «модерновой», улицы иракской столицы мы наблюдали строительные и отделочные работы, расчистку тротуаров от стружек, щебня и щепок.

Улица Саадунa заканчивается на юго-востоке площадью с Памятником неизвестному солдату в виде каменной арки. Дальнейшим продолжением этой магистрали служит улица Халида ибн аль-Валида (арабского завоевателя, о котором речь шла в главе о Сирии), выходящая к парку Единства (раньше он назывался парком Оперы). От него далее к юго-востоку идет шоссе на Кут и Басру. Кут известен тем, что там во время первой мировой войны турки окружили и вынудили к капитуляции английские экспедиционные войска. Басра, крупнейший порт на реке Шатт эль-Араб, образуемой слиянием Тигра и Евфрата, «морские ворота» Ирака, именуется иногда «Венецией Востока». Недалеко от Басры, как уверяют путеводители, якобы находился райский сад, из которого бог изгнал Адама и Еву. Славившаяся издавна обилием финиковых пальм, Басра известна всему Востоку благодаря поговорке: «Не вези финики в Басру» (русский вариант: «Не ездй в Тулу со своим самоваром»).

Но вернемся в Багдад. Если отправиться по улице Саадунa в обратном направлении, на северо-запад, она выведет нас к центру города — площади Освобождения, где стоит Памятник революции 14 июля — длинная, на двух столбах, каменная плита с красочным панно: на золотистом фоне темно-коричневые барельефы, символизирующие борьбу народов Ирака. На площади сходятся улицы Саадунa, Харуна ар-Рашида, Республики, Битвы и 14 июля. Направившись по последней из перечисленных улиц, мы проходим по мосту Республики и попадаем в квартал Жарадат Марьям на правом берегу Тигра. В глубине этого квартала улица 14 июля изгибается под прямым углом и идет на северо-запад через весь город, пока не переходит в шоссе на Мосул — центр северного Ирака. Однако мы последуем лишь до пересечения улицы 14 июля с улицей Дамаска, которая выведет нас к Багдадскому международному вокзалу. Чуть дальше улица Дамаска расходится на две: влево идет улица Каира, вправо — улица Музея, на которой расположен Иракский музей, являющийся конечной целью нашей чуть затянувшейся прогулки по городу «Тысячи и одной ночи».

Музей размещен в недавно выстроенном в стиле модерн здании. Говорят, что строительство велось при финансовой помощи нефтяного магната Гульбенкяна, одного из крупных акционеров «Ирак петролеум компани».

Если это так, то, следовательно, хотя бы часть средств, нажитых этой скандально известной на Арабском Востоке монополией на эксплуатации природных богатств Ирака, пошла на пользу иракскому народу.

Иракский музей в Багдаде — одно из лучших собраний археологических находок, обнаруженных в бассейне Тигра и Евфрата. Многие его экспонаты уникальны по своей значимости для научного изучения истории Двуречья с древнейших времен вплоть до прихода арабов (арабскому периоду посвящены расположенные в Багдаде Музей исламской культуры и Музей арабских памятников). Фонды музея постоянно пополняются в результате деятельности многочисленных археологических экспедиций, включая иностранные, а также путем обмена экспонатами с другими музеями.

В музее нас заинтересовали шумерские амулеты 4-го тысячелетия до нашей эры и копия черной стелы с клинописным текстом законов Хаммурапи. Подлинник стелы находится в парижском Лувре. Многие ценные археологические находки были вывезены из Ирака еще в прошлом веке. Правившие тогда страной османские паши предоставляли западноевропейским археологам полную свободу действий. В результате многие памятники тысячелетних цивилизаций, зародившихся в Двуречье, оказались за пределами Ирака. Может быть, поэтому залы музея производят впечатление некоторой неполноты и фрагментарности.

Исключение составляет зал ассирийской скульптуры. Гигантские, как бы стремящиеся подавить своими размерами фигуры в воинских доспехах, с напряженно выпуклыми мышцами и грозно нахмуренными бровями рассчитаны на психологический эффект устрашения, на то, чтобы смотрящий чувствовал свое бессилие и ничтожество по сравнению с громадными изображениями воинственных царей. В каждой скульптуре, в каждом барельефе чувствуется мужественное, хотя и несколько помпезное искусство, рожденное цивилизацией завоевателей.

В других залах любопытно проследить культурные связи и взаимовлияния Древнего Востока. Так, некоторые фигурки из слоновой кости эпохи Ново-Вавилонского царства носят следы древнеегипетского влияния. Интересно изображение Иштар, которая была у вавилонян и ассирийцев богиней любви и плодородия, в виде льва:

у вновь возвеличивших Вавилон халдеев, долго борющихся с ассирийцами, Иштар стала вдобавок и богиней войны. В последнем зале музея, где выставлены образцы народного искусства, созданные уже в период господства ислама, внимание привлекают человеческие фигурки из алебастра, выполненные в XII в. Они свидетельствуют о том, что запрет изображать живые существа, предписанный ортодоксальным исламом, не очень строго соблюдался в Месопотамии, возможно — под влиянием соседнего Ирана.

Посещение Иракского музея, обострив интерес к полуполюбопытному прошлому Двуречья, хорошо подготавливает к поездкам по историческим местам страны. Нам удалось посетить развалины Вавилона, сасанидской столицы Ктесифона и бывшей резиденции багдадских халифов Самарры — своего рода «аббасидского Версаля». Все эти памятные места расположены в радиусе от 30 до 100 с небольшим километров от Багдада. Таким образом, нам довелось осмотреть довольно значительный район центрального Ирака и помимо уцелевших памятников древности увидеть многое из того, что характерно для сегодняшней жизни страны.

ОТ ВАВИЛОНА ДО САМАРРЫ

Руины знаменитого города всеяких садов Семирамиды расположены примерно в 100 километрах к югу от города «Тысячи и одной ночи». Дорога на Вавилон идет сначала мимо государственной электростанции, выстроенной с помощью американской компании «Вестингауз», а потом — вдоль железной дороги Багдад — Басра, проложенной при техническом содействии СССР. В Багдаде и в попадающихся по пути деревнях на многих домах видны флаги самых разных цветов. Обычно их вывешивают в праздничные или траурные дни. Сегодня же, 13 апреля 1967 г., поводов для вывешивания флагов более чем достаточно: во-первых, это второй день месяца мухаррам (по мусульманскому лунному календарю), с которого начинается мусульманский новый год; во-вторых, годовщина со дня гибели во время авиакатастрофы Абд ас-Саляма Арефа, бывшего президентом Ирака в 1963—1966 гг.; в-третьих, первые десять дней мухаррама явля-

ются днями траура у шиитов (а в центральном и южном Ираке преобладают шииты), которые в это время скорбят по убитым имамам-мученикам Али, Хусейну и другим. Поскольку мы въехали в районы с преимущественно шиитским населением, в дальнейшем нас не удивляло обилие повсюду черных и цветастых флагов. А в местечке Махмудийя мы даже увидели специальный ящик, предназначенный для денежных сборов на траурные церемонии в честь Хусейна.

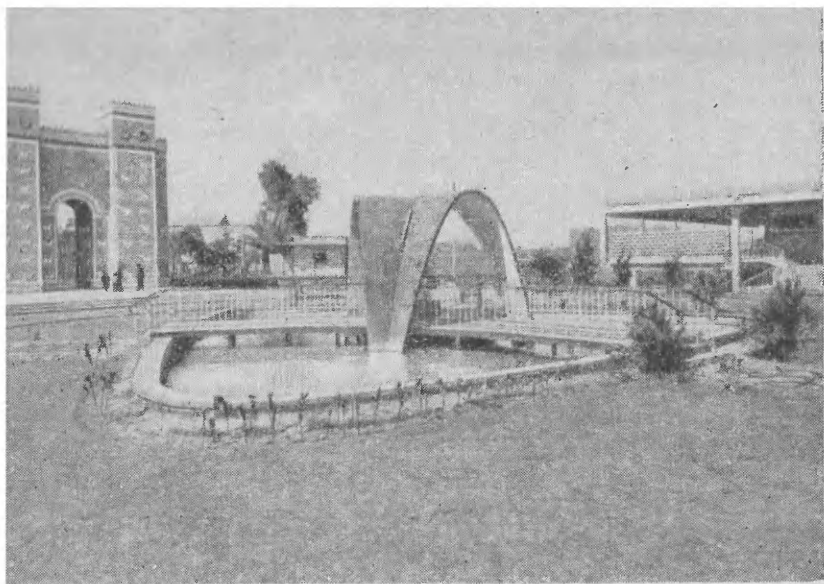
Наш автобус мчится по плоской и почти безлесной месопотамской равнине, которая все же в отличие, скажем, от песчаных равнин многих других арабских стран довольно цветуща: всюду обработанные почвы, оросительные каналы, зеленые поля, изредка — пальмовые рощи. На шоссе, построенном, как сообщает нам гид, относительно недавно какой-то английской фирмой, то и дело попадаются ослы с поклажей, одинокие велосипедисты, реже — спешащие куда-то женщины, с головы до ног закутанные в черные абайи. Когда мы проезжаем очередную деревню, за стеклом начинают мелькать глиняные дувалы, почти такие же, как в узбекских селениях. Около военного лагеря Махавиль начинаются солончаковые почвы.

И вот мы въезжаем в Вавилон, вернее, на раскопанную часть территории великого города. Однако пейзаж не меняется: те же пальмы, ослы с поклажей, мелкие пруды среди сильно засоленных участков глинистой земли. Кое-где археологи установили месторасположение исторически важных объектов: на большом бесформенном холме мы вдруг увидели табличку с надписью «летний дворец царя». Здесь же — летний ресторан и казино «Аль-Джанаин» (т. е. «Сады», очевидно, по ассоциации с «садами Семирамиды»). Тут можно встретить туристов любой национальности и услышать какую угодно речь, кроме арабской. Как правило, сюда приезжают туристы высшего класса, которые уже многое повидали на свете и приехали посмотреть на легендарную землю Двуречья из чистого интереса, так как кроме своих археологических богатств эта земля не может им ничего предложить: ни роскошных пляжей, ни благодатного климата, ни разнообразия пейзажей, ни горного спорта, ни игорных домов.

Проехав несколько сот метров, мы издали увидели

огромные ворота, на синем фоне которых нарядно выделялись желтые и белые барельефы, представлявшие собой стилизованные изображения быков и еще каких-то непонятных животных, похожих на пантер, но с рогами. Это — реконструированные ворота богини Иштар (кстати, само название Вавилона — «Баб илу» — означает в переводе «врата божьи»). В расположенном рядом музее полным-полно всякого рода эскизов и макетов, но есть и подлинные вещи, найденные при раскопках Вавилона: детские игрушки, домашняя утварь, гончарные изделия, терракотовые фигурки. Гид музея, в пиджаке, надетом на длинную до пят рубаху, и в кувийе поверх белой шапочки, рассказывает обо всем устало, словно он не просто разморен обычной для здешних мест жарой, но и подавлен тяжестью тысячелетий, отделяющих наше время от эпохи расцвета Вавилона. Служители в полицейской форме, лениво перебирая четки, равнодушно внимают гиду и почти не обращают на нас внимания: они, очевидно, уже пришли к заключению, что мы не собираемся похитить или повредить какой-либо из музейных экспонатов, аккуратно помещенных в деревянные рамки или на деревянные подставки.

Выйдя из музея, мы знакомимся с улицей Процессий. Здесь обычно устраивались торжественные шествия по поводу военных побед или праздников. Когда-то на всем протяжении улицы стояли статуи богов. К сожалению, в Вавилоне почти ничего не сохранилось в своем первоначальном виде. Облупленные кирпичные стены с уже знакомыми нам по воротам Иштар стилизованными изображениями быков являются позднейшей реконструкцией. Лишь кое-где из-под расплавившегося или сбитого асфальта сиротливо выступают подлинные камни древнего Вавилона. «А вот висячие сады Семирамиды!» — воскликнул гид, указывая на несколько невысоких голых холмов с остатками кирпичной кладки. Это было похоже почти на издевательство, и тем не менее гид был прав: сады действительно когда-то находились на этом месте. На площади вблизи «садов Семирамиды» стоит скульптурная группа: лев, символизирующий Вавилон, попирает повергнутую на землю женщину, воплощающую побежденную Ассирию. Это копия: подлинник находится в Лондоне. Порожденное этим обстоятельством ощущение «невсамделишности» руин великого города особенно уси-

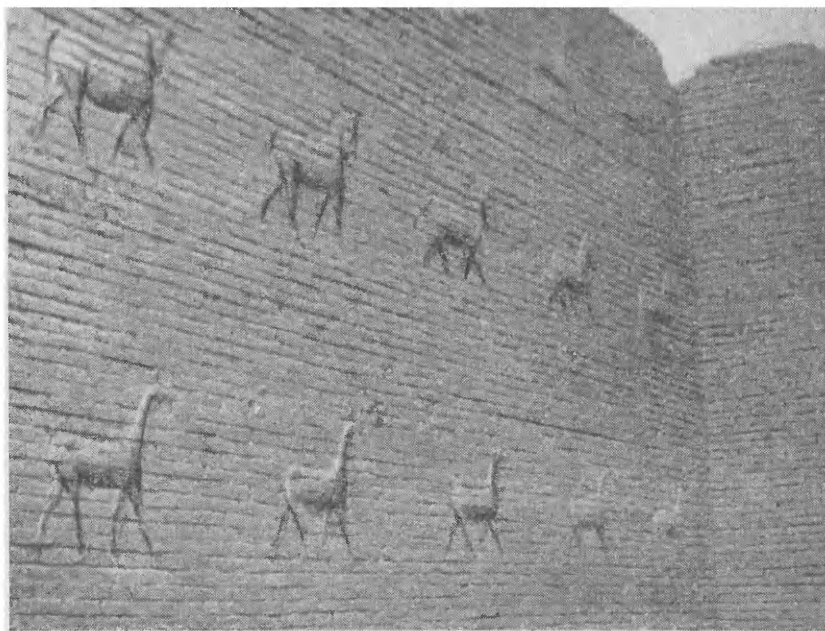

Ворота Иштар в Вавилоне

ливается после того, как, осмотрев не очень хорошо скопированного «льва Вавилона», попадаешь в полностью реконструированное помещение храма богини Э-Имах. Храм — новенький, весь какой-то гладенький, аккуратно слепленный из глины, всем своим видом как бы дающий понять, что он не настоящий, а подделка. Это ощущение усиливается, когда замечаешь идущую по темному потолку храма электропроводку.

Выехав с территории Вавилона, мы попали вскоре в Хиллу — небольшой городок, получивший свое название от рукава Евфрата, на котором он стоит. Здесь — современное здание с загадочной вывеской «Центральная всеобщая библиотека» и красивая мечеть со ступенчатым минаретом. Все новое, сегодняшнее радует в Хилле в той же мере, в какой раздражало на руинах Вавилона...

Гораздо быстрее, чем до Вавилона, можно добраться из Багдада до остатков сасанидской столицы Ктесифона: 30 километров преодолеваются на автобусе за какие-нибудь полчаса. Дорога типична для центрального Ирака: изумрудные поля, плоские крыши и глиняные стены

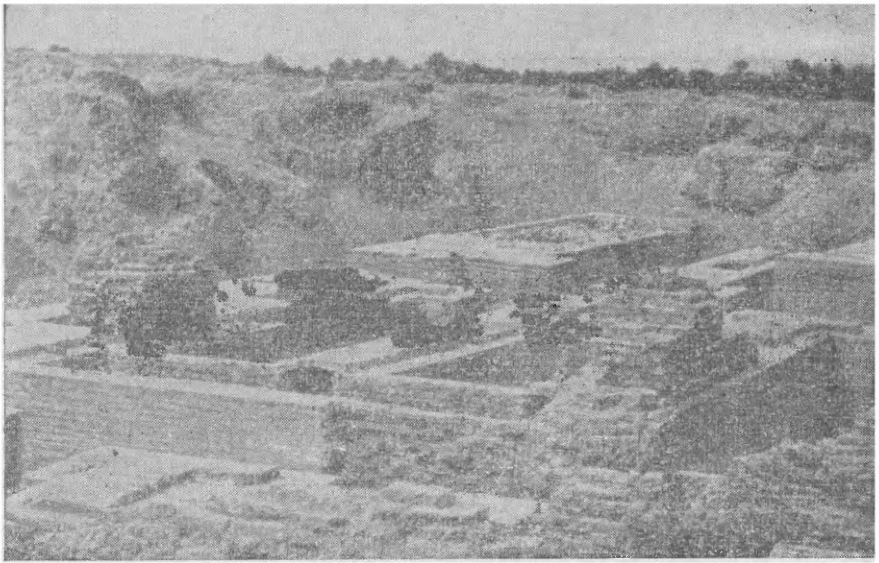
Стена улицы Процессий в Вавлоне

домов, мелькающие в чаще пальмовых рощ. Внезапно посреди широкой, в холмах и рытвинах степи возникает знакомая по фотографиям гигантская арка дворца Сасанидов — одного из «десяти чудес» Ирака. Развалины этого дворца — все, что осталось от древнеперсидской столицы Месопотамии. Кроме арки уцелели еще толстые стены из серого кирпича, украшенные сложным и разнообразным колончатым барельефом. С левой стороны самой большой стены — серебрищийся на солнце огромный контрфорс, реставрированный, как говорят, сравнительно недавно приезжавшими в Ирак иранскими инженерами. Ктесифонский дворец чем-то напоминает развалины дворца Тимура в Шахрисябзе, хотя, безусловно, шахрисябзские руины более величественны.

От созерцания остатков Ктесифона возникают не очень веселые мысли. Сасанидские руины, как и прочие археологические памятники Ирака, доказывают, что человек умеет не только создавать замечательные произведения архитектуры и росписи, но и разрушать их. Если

вспомнить разом, сколько неповторимо прекрасных творений человеческого гения безвозвратно погибло за долгую историю Двуречья и насколько, в сущности, проще уничтожать, чем создавать, то унылое настроение, возникающее после осмотра очередных руин, покажется вполне оправданным. Насколько полнее могли бы быть наши знания, если бы безвозвратно погибшие памятники разных цивилизаций, сотворенных руками жителей Двуречья, дошли до наших дней! Археологические памятники Ирака помимо их научной ценности имеют еще значение исторических свидетельств против войн и разрушений. Конечно, многое в Месопотамии было уничтожено не рукой человека, а песчаными заносами и землетрясениями. Но решающую роль все же играла деятельность людей. И от того, в какую сторону эта деятельность была направлена — созидательную или разрушительную, — зависело, как и сейчас, очень многое, если не все.

Самую дальнюю дорогу из Багдада, около 120 километров, среди плантаций финиковых пальм и цитрусовых, полей пшеницы и овса, пыльных деревень с маленькими школами мы проехали до Самарры, которая свыше полувека (836—892 гг.) была столицей Аббасидов. Резиденцию халифов сюда перенес Мутасим, храбрый и красивый, но ленивый и невежественный сын Харуна ар-Рашида, опасавшийся волнений, непрерывно возникавших среди багдадцев. В те времена Самарра была огромным, растянувшимся на много километров вдоль Тигра городом с великолепными дворцами халифов и домами их приближенных. О красоте «аббасидского Версаля» свидетельствовало само название «Самарра» — сокращение от «Сурр ман раа» (т. е. «радуйся, кто увидит»). Сегодня же Самарра — небольшой город посреди громадной территории руин прежней Самарры, окруженный полями ячменя, зарослями колючек и песками, на желто-сером фоне которых кое-где чернеют палатки бедуинов. «Здесь обычно появляются кочевники из племени шаммар, — рассказывает нам гид. — Но их немного, так как подавляющее большинство иракцев принадлежит к племенам, давно осевшим на землю». Пусть это и так, но нам показалась символичной эта встреча с потомками аравийских завоевателей Месопотамии на пути к памятнику былой славы и величия Арабского халифата.

Вот что осталось от садов Семирамиды

Все, что имеет отношение к современной жизни Самарры, не так уж примечательно: плотина Ас-Сарсар (т. е. «болтун») на Тигре, сооруженная с помощью чехословацких специалистов, небольшой рынок с преобладанием всевозможных сувениров (нередко египетского и чехословацкого производства), мечети, новостройки. На довольно значительном расстоянии от сегодняшней Самарры — расположенные на берегу Тигра руины Бейт аль-Халифа, дворца повелителей халифата. Уцелевшая от былого великолепия резиденция Аббасидов большая арка кирпичной кладки издали напоминает уменьшенный вариант самаркандской Биби Ханым. В городе имеется и обычный для всех исторических мест Ирака рестаурац, полный заезжих иностранцев, а также казино, выстроенное в традиционном стиле мусульманской архитектуры.

Над всем этим возвышается оригинальный минарет аль-Мальвийя (т. е. «витая, закрученная») высотой 55 метров — усеченный конус, вокруг которого крутой спиралью вьется неширокий, метра полтора-два, пандус, ведущий к полуразрушенной верхушке. Никаких перил или бортиков по краям спирали нет, поэтому по мере

подъема начинает слегка кружиться голова. Тем не менее редко кто может отказать себе в удовольствии забраться на самый верх аль-Мальвийи. Оттуда видна вся новая Самарра, а также голые песчаные холмы, занимающие большую часть прежней территории города, гигантский квадрат высоких кирпичных стен, уцелевших от огромной мечети IX в. (аль-Мальвийя была частью ансамбля этой когда-то одной из самых величественных в мире мечетей), выветрившиеся коричневатые остатки разрушенных или недавно раскопанных домов. Кое-где бедуины, натянув палаточный верх на сохранившиеся стены домов былой Самарры, устроили себе временное жилище. Когда-нибудь они, несомненно, построят на руинах халифского могущества новую жизнь, о которой можно будет сказать, повторив старинное название города: «Радуйся, кто увидит!»

Из Самарры мы возвращались вдоль железной дороги Мосул — Багдад, среди плоской песчаной равнины с редкими здесь, в стороне от Тигра, деревнями. Иногда нам попадались стада овец или одинокий велосипедист. Но дымившиеся на горизонте трубы бесчисленных кирпичных заводов, электростанция и строительные краны при въезде в Багдад еще раз напомнили нам, что сегодняшней Ирак, хоть и связан неразрывными узами со своим прошлым, все же ускоренными темпами прошел за последние годы большой путь и живет сегодняшним, а не вчерашним днем.

СВЯТЫНИ ШИИТОВ

Ирак — единственная, пожалуй, арабская страна, где шиитский толк ислама преобладает над суннитским*. Немалую роль в этом, очевидно, играло господство шиизма в соседнем Иране. Любопытно, что господствующий класс в Ираке всегда состоял преимущественно из суннитов. К суннитам принадлежат также исповедующие ислам национальные меньшинства страны: курды, туркмены, турки. Все это создает очень сложный комплекс отношений между обоими направлениями ислама в Ира-

* То же самое можно сказать о Йемене, но там господствует особая форма шиизма — зейдизм, занимающая промежуточное положение между шиизмом и суннизмом.

Минарет аль-Мальвийя

ке, особенно если учесть ожесточенную борьбу между суннитами и шиитами, начало которой положил религиозный раскол среди мусульман в VII в. Тогда сторонники ортодоксального направления, признававшие наряду с Кораном сунну (предания о поступках или изречениях пророка Мухаммеда по тому или иному поводу), получили название суннитов, а приверженцы отколовшейся группировки (по-арабски «шиа») стали называться шиитами.

Между теми и другими немало различий в области религиозной догматики, организации культа и даже особенностях бытового уклада. Подробно останавливаться на этом не представляется возможным. Скажем лишь только, что, например, в отличие от суннитов шииты не признают сунну, вместо которой почитают свои священные предания (по-арабски «ахбар»). Они никогда не признавали религиозного авторитета халифа, считая и Омейядов и Аббасидов узурпаторами, захватившими власть силой. Законными наследниками власти пророка Мухаммеда шииты считают Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, а также всех потомков Али и его жены Фатимы, дочери пророка. Особенно почитается ими сын Али — Хусейн, который погиб в 680 г. при попытке поднять восстание против омейядского халифа Язида. С тех пор город Кербела, где произошло решающее сражение отряда Хусейна с халифскими войсками, стал священным для шиитов, а десятый день месяца мухаррама (когда, по преданию, был убит Хусейн) — самым траурным и скорбным днем.

Кербела находится всего в 42 километрах от Хиллы. И конечно, мы не могли не совершить поездку в священный город шиитов, тем более в первые дни мухаррама...

Автобус быстро проскочил кусок солончаковой степи с редкими деревьями на горизонте и черными шатрами бедуинов, въехав в сплошные заросли тростника и пальм, скрывавшие дома. Селение стояло на широком мутновато-илистом рукаве Евфрата, называемом Хиндия. Здесь мы впервые увидели крестьянок в абайях, самым неприкрытым образом восседавших верхом на ослах, да еще с привязанными за спиной детьми. Берега Хиндии были сплошь покрыты рощами финиковых пальм, орошаемыми многочисленными арыками, сплетенными в сложную сеть. Переехав на другой берег Хиндии по длинному мосту, мы опять увидели палатки кочевников, чернеющие среди овечьих отар. Недалеко от Кербелы нам удалось полюбоваться огромными черными буйволами, прятавшимися от тридцатиградусной жары в разбросанных там и сям небольших прудах и канальчиках. Некоторые из них, небрежно отряхиваясь, лениво переходили шоссе, тучно чернея в лучах солнца, отраженных золочеными куполами мечетей еще далекой Кербелы.

Священный город шиитов сначала показался двумя

длинными трубами кирпичного завода, затем надвинулся соломенными крышами и дувалами предместий и, наконец, буквально затопил финиками, гранатами и апельсинами своих бесчисленных садов. На центральные улицы мы въехали вовремя: в городе только-только началось театрализованное представление, которое должно было изображать въезд Хусейна в Кербелу незадолго до его гибели. Возбужденные люди в черной одежде гневно застучали в окна нашего автобуса, требуя, чтобы мы остановились и не мешали торжественной костюмированной процессии. Мы послушались и в дальнейшем ничуть об этом не жалели, так как получили большое удовольствие от красочного и редкого зрелища.

Большая толпа конных и пеших, а также всадников на верблюдах, растянувшись метров на двести-триста, хорошо вошла в роль: лица участников процессии были строги и преисполнены значительности, страусовые перья и еще какие-то невиданные украшения важно покачивались на белоснежных тюрбанах и старинных шлемах, пестрые флажки горделиво развевались на длинных копьях, одеяния эпохи Омейядов сияли дорогим шитьем. Несколько совсем молодых ребят, замыкавших шествие, били в барабаны. Мимо нас лихо проскакал статный всадник, как бы сошедший со старинной гравюры, изображавшей сарацина в полном вооружении. «Язид! Язид!» — зашумели в толпе. Нам показался странным столь ранний выход халифа Язида, который согласно историческим фактам должен был появиться позже. Но расспрашивать было некогда, тем более что мы залюбовались всадником, тут же непринужденно прогарцевавшим в обратном направлении. В роли Язида явно выступал либо профессиональный актер, либо природный бедуин: уж очень уверенно держался он в седле, уж очень эффектно встряхивал украшениями на тюрбанах и свободно, без напряжения, осаживал своего великолепного скакуна. Таким образом, мы даже не заметили, как способный исполнитель привлек наше внимание к самому отрицательному персонажу инсценировки.

Но тут толпа зашумела еще сильнее, и мы увидели наконец Хусейна. Его изображал полный, круглолицый и чернобородый человек в роскошном одеянии, огромной чалме и довольно простых, чуть ли не резиновых сапогах. Двое рослых пестро одетых мужчин вели его коня

под уздцы. Исполнитель роли Хусейна, не будучи столь молодым и молодцеватым, как исполнитель роли Язида, естественно, не смог произвести на нас сильного впечатления. Непосредственно за ним следовали те, кто изображал родственников Хусейна. При этом каждый из них вел себя именно так, как это известно из шиитских хроник. Наше внимание, в частности, привлек худощавый молодой человек в костюме принца из «Тысячи и одной ночи», который лежал со страдающим видом на огромных подушках в крытом возке. Как нам объяснили наши иракские друзья, молодой человек играл роль сына Хусейна, который при въезде в Кербелу был болен.

Процессия двигалась по центральным улицам города, надолго останавливая всякое движение. Время от времени часть ее сворачивала на боковые улицы. Так, нам пришлось столкнуться с небольшой группой участников процессии на одной из площадей Кербелы. До ее появления залитая солнцем пыльная площадь казалась вымершей. Но стоило лишь показаться шествию, как мгновенно сбежалась толпа народу. Жители Кербелы наверняка привыкли к подобного рода зрелищам. И тем не менее разыгрываемое ежегодно представление — для них что угодно, только не развлечение. Зрители, наблюдавшие за шествием, были не просто оживлены, но как бы проникнуты чувством приобщения к некоему таинству.

Далеко не всякий попавший в Кербелу иностранец имеет возможность войти в мечеть-мавзолей Хусейна. Немусульманам это вообще возбраняется. Гробницы Хусейна и Аббаса (брата Хусейна, убитого вместе с ним) в Кербеле, так же как гробница Али в Неджефе, другом священном городе шиитов, расположенном к югу от Хиллы, представляют собой предмет поклонения и объект паломничества шиитов со всего света. Посещение этих святых мест любым человеком, даже мусульманином, не являющимся шиитом, может иметь для него весьма неприятные последствия. Но любопытству путешественника, как известно, нет предела. Для нас было просто немыслимо побывать в Кербеле и не войти в мечеть Хусейна. В конце концов нам это удалось...

Мы миновали огромные ворота с известным трепетом, так как вообще в первый раз вошли в иракскую мечеть, а тем более во всемирно известную святыню шиитов. Мы почти не слышим вопросов вежливого средних лет ирак-

ца, надзирающего за оставленной верующими обувью. Двигаясь дальше, ловим себя на том, что невольно хочется сложить руки в молитвенном жесте — настолько заразительна окружающая атмосфера. Весь сухи — внутренний двор мечети — заполнен склоненными или распростертыми ниц фигурами молящихся, преимущественно в черной одежде. Среди них неспешно прохаживаются явно приезжие, в европейских или неиракских восточных костюмах. Вся эта пестрая толпа привлекает гораздо больше внимания, нежели блеск золоченых куполов и цветная игра богатой мозаики мечети. Внутри мечети куда теснее, чем во дворе: люди толпятся вокруг могилы Хусейна, стараясь прикоснуться к окружающей ее серебряной решетке, до блеска зацелованной предшествующими поколениями паломников, или, запрокинув голову, любуются зеркальным потолком, росписями, золотыми и серебряными украшениями, сложными орнаментами.

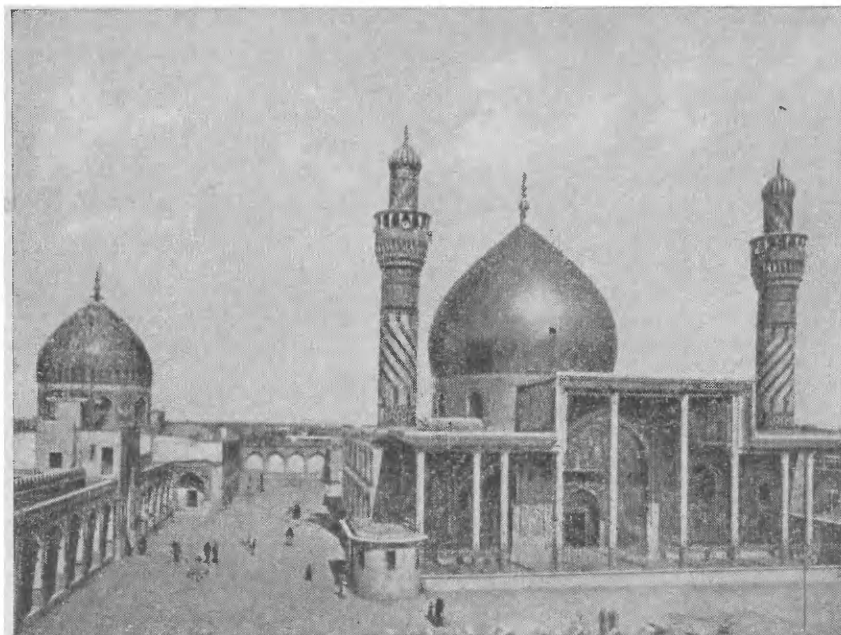
Мечеть-мавзолей Хусейна находится в самом центре Кербелы (мы не видели расположенной в другом конце города мечети Аббаса, которая, как говорят, несколько скромнее мечети Хусейна). Вокруг нее — высокая стена, с внешней стороны которой прилепился торговый ряд. В лавочках — всякого рода туристический ширпотреб: от украшений до заграничных авторучек. Кое-где в таких лавочках, а иногда прямо на стене между ними можно увидеть круглую гравюру с изображением Хусейна, выполненную в стиле старинной иракской миниатюры, несколько напоминающей персидскую. Увидев впервые канонизированный портрет Хусейна, мы еще раз отдали должное организаторам театрализованной процессии: исполнитель роли Хусейна отличался поразительным сходством с тем, кого должен был изображать.

Прямо от лепящегося к внешней ограде мечети Хусейна торгового ряда отходят как бы по радиусу большого круга другие ряды местного сука. Обычно они специализированы: в одном месте — мастерские портных, в другом — ювелиров, в третьем — ковроделов и т. д. Атмосфера здесь еще более спокойная, чем на багдадском рынке: торговцы явно знают себе цену и, несмотря на сравнительную малочисленность покупателей, держатся с достоинством жителей священного города. Но продают они изделия не всегда местного производства. К нашему удивлению, на рынке почти не было предметов ре-

лигиозного культа, даже каких-либо символических знаков. Что же касается одежды, то современный костюм европейского покроя можно было там приобрести так же легко, как халат, тюрбан или абайю.

Уже выехав за пределы Кербелы, мы продолжали говорить о том, что видели в этом удивительном городе, совершенно не обращая внимания (пожалуй, впервые за все время путешествия по Арабскому Востоку) на то, что мелькало за окнами автобуса. Наши мысли и чувства всецело принадлежали уличной мистерии в честь Хусейна, великолепной мечети-мавзолею, городскому рынку и самим жителям Кербелы. Мы снова стали «нормальными» туристами, готовыми впитывать обычные путевые впечатления, только когда доехали до Мусаиба, где потоки Хиллы и Хиндии вновь сливаются в единый Евфрат. Великая река, широко разлившаяся и мутно-зеленая, напомнила нам, что природа Ирака так же заслуживает внимания, как и его духовная жизнь...

Кербела была первым и последним местом в Ираке, где нам удалось побывать в мечети. В Самарре мы довольно долго стояли перед воротами ежегодно посещаемой тысячами паломников мечети Ар-Рауда аль-Аскаррийя. Она призывно сияла своим 68-метровым куполом, но проникнуть за окружающие ее территории высокие стены было не в наших силах. Мы лишь издали любовались знаменитой «золотой мечетью» Казимейн в Багдаде, сверкающей двумя золочеными куполами и четырьмя минаретами оригинальной формы. Как почти все большие шиитские мечети Ирака, она одновременно является мавзолеем: здесь находятся почитаемые гробницы двух шиитских имамов — Мусы-аль-Казима и Мухаммеда аль-Джавада («Казимейн» в переводе с арабского означает «двух Казимов»). Расположена она на правом берегу Тигра, на северо-западной окраине Багдада, называемой сейчас районом Казимийя. Когда-то Казимийя была загородным местечком (в старых проспектах писалось, что она располагалась «в нескольких милях к северу от Багдада»), но затем слилась с городом. Иногда по имени района и саму мечеть называют не Казимейн, а Казимийя. Как сказано в справочнике «Современный Ирак», она «поражает зрителя красотой архитектуры и богатством отделки». Нам остается лишь верить этому утверждению, так как собственными глазами мы видели кроме

Мечеть Ар-Рауда аль-Аскаррия в Самарре

куполов и минаретов лишь роскошный портал, своими объемами, формой и богатством мозаики напоминающий о старинных мечетях Самарканда и Бухары. Толпа бедно одетых мелких торговцев, закончивших молитву верующих и просто празднующихся при появлении иноземца европейского вида немедленно настораживается. Все попытки «неверного» преступить запрет и пройти в мечеть встречаются столь гневными взглядами и недвусмысленными жестами, что непрошенный гость предпочитает ретироваться. Мы были здесь свидетелями поучительной сцены: мусульманин, одетый по-европейски и назвавшийся турком, вынужден был чуть ли не бегством спасаться от высокого старика с оранжевой повязкой на тюрбане (такие шелковые повязки носят те, кто совершил паломничество в Неджеф или Кербелу). Старый шиит требовал от того, кого он считал суннитом, уплаты своего рода штрафа за осмотр вопреки запрету шиитской святыни.

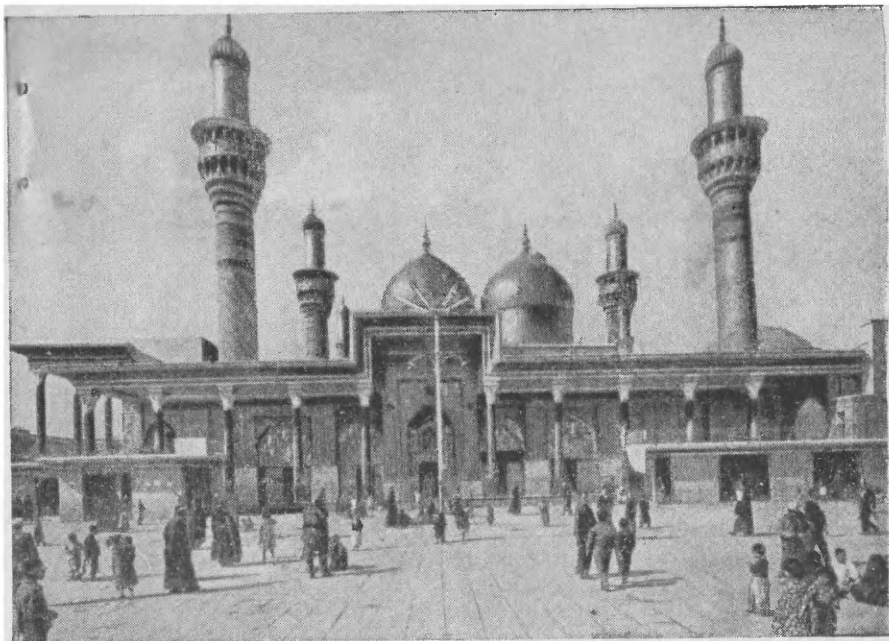
Вековые преследования и несправедливости ожесточили иракских шиитов, способствовали возникновению

сохранившихся до наших дней нетерпимости и непримиримости, культу мученичества и страданий. В стране, где шииты составляют большинство населения, это создаст дополнительные трудности при решении злободневных вопросов. Наиболее жгучие из них — как избавиться от наследия тяжелого прошлого и как построить счастливое будущее.

ВЧЕРА И ЗАВТРА

Взаимоотношения суннитов и шиитов в Ираке завязались в узел сложных противоречий еще со времен халифата, когда багдадские халифы преследовали шиитов, опираясь на суннитское в своей основе население Багдада. С тех пор многое изменилось. Городское, в том числе багдадское, население, сильно редевшее после каждой войны или нашествия, пополнялось в основном за счет шиитских племен центрального и южного Ирака. Однако господствующий класс в стране в своей основе всегда оставался суннитским. Это часто добавляло к классовым противоречиям конфликты на религиозной почве. Однако постепенно (хотя и не так быстро, как хотелось бы), особенно после июля 1958 г., социально-политическая жизнь очищается от привкуса межрелигиозной розни. Шиит на важном государственном посту перестает быть исключением. В частности, во время нашего пребывания в стране, в апреле 1967 г., премьер-министром Ирака был шиит — генерал Наджи Талеб.

Июльская революция 1958 г. поставила у власти представителей военного руководства, опирающихся на армию. В Ираке, как и во многих других развивающихся странах, армия играет важную политическую роль и представляет собой доминирующую общественную силу. Во многом это определяется ее исключительным положением в обществе, которое переживает трудный период становления, требующий значительной централизации политической и экономической власти. В таком обществе армия играет роль арбитра по отношению ко множеству несогласных друг с другом группировок. Превосходя их в организованности, дисциплинированности и искусстве управления, а также обладая наиболее квалифицированными руководящими кадрами, армия во многих странах

«Золотая мечеть» Казимейн

афро-азиатского мира оказывается лучше подготовленной к выполнению неотложных задач сегодняшнего дня, нежели какая-либо иная политико-социальная сила.

Особое положение армии в Ираке ощущается весьма непосредственно. Например, въезжая в Багдад или выезжая из него, мы неоднократно пересекали территорию того или иного военного лагеря. Военных лагерей немало разбросано по стране (в частности, мы видели лагерь Махавиль недалеко от руин Вавилона). В столице четыре таких лагеря: Республиканский, Рашида, Таджи и аль-Вашшаш. По проходящему мимо лагеря участку шоссе надлежит двигаться со скоростью не менее 25 километров в час, не останавливаясь при этом. За проволочными ограждениями видны солдаты на военных занятиях, танки и прочая боевая техника, большие зеленые лужайки перед длинными казармами. Отсюда воинские части могут быть быстро переброшены в любой район столицы (что и случилось неоднократно за последние десять лет). На улицах Багдада много военных в защитной форме, туго перетянутых ремнями. Иракские офицеры обычно носят не фуражки, как их сирийские собратья, или

береты, как египтяне, а лихо сдвинутые набок пилотки. Это придает им бравый, подтянутый и, как мне показалось, весьма воинственный вид.

Все важные политические события послереволюционных лет происходили в Ираке при непосредственном и решающем участии армии. В Багдаде недалеко от парламента, в месте пересечения улиц аль-Кинди и 14 июля, есть небольшая площадь, названная именем Абд аль-Ваххаба аш-Шаввафа. В марте 1959 г. этот полковник, поднявший военный мятеж против правительства генерала Касема, был убит, а имя его предано проклятию. Но после свержения Касема в феврале 1963 г. это имя читается в Ираке. В Багдаде им названа помимо площади еще одна улица. При выезде из столицы на юго-восток нам показали ведущую вправо дорогу. «Это — путь на Умм ат-Тубуль, где находится мечеть Мучеников арабского национализма, — сообщил нам гид. — Она построена на месте расстрела во времена Касема офицеров, выступивших в поддержку аш-Шаввафа».

В Багдаде и в других городах есть еще немало названий, напоминающих о сравнительно недавних событиях и о ведущей роли армии и армейских лидеров. Нам бросилось в глаза, что наиболее часто встречающейся в названиях датой после «14 июля» (Дня революции) является «18 ноября». В этот день в 1963 г. маршал Абд ас-Салам Ареф, ставший главой Иракской Республики после падения Касема, отстранил от власти непопулярное правоэкстремистское правительство. После гибели Абд ас-Салама Арефа пост президента занял его старший брат, генерал Абд ар-Рахман Ареф, также видный представитель армейского командования*. Их портреты часто можно было видеть рядом на улицах, в государственных учреждениях, лавках и магазинах.

Кое-где мы замечали следы кипения политических страстей. Особенно показательны были попадавшиеся иногда надписи, сделанные углем, мелом или черной краской главным образом на глинобитных стенах боковых улиц и небогатых кварталов. Обычно они были замазаны или полустерты, но в ряде случаев их можно бы-

* В июле 1968 г. Абд ар-Рахман Ареф был устранен в результате государственного переворота. Президентом стал генерал Ахмед Хасан Бакр.

Монумент в честь 14 июля в Багдаде

ло прочитать. Мне запомнились три такие надписи: «Ареф — борец за дело арабов!», «Курдистан — национальные горы!», «Мир Курдистану!» Как можно догадаться, первый лозунг принадлежал сторонникам правительства, второй — приверженцам «военного решения» курдской проблемы, а третий — противникам такого решения.

Во время нашего пребывания в Ираке нам говорили, что война в Курдистане, начатая еще Касемом и продолженная свергнувшими его баасистами, давно прекращена и что пути решения курдской проблемы могут быть найдены. На улицах Багдада мы неоднократно видели курдов в живописных костюмах, но, по мнению некоторых багдадцев, курды, постоянно живущие в иракской столице, «слишком нервны». Очевидно, напряженность, унаследованная от прошлых времен и от многолетней репрессивной войны, все еще сохраняется. Подобные наслоения недавнего прошлого еще трудно ликвидировать, тем более за сравнительно небольшой срок.

И все же в Ираке очень много сделано и делается для того, чтобы как можно скорее избавиться от всего, что мешает успешному продвижению вперед. Почти вся более или менее значительная промышленность (за исключением нефтяной) национализирована. Вывески с надписью «аль-маамаль аль-ватаний» (национальное предприятие) встречаются повсеместно, особенно на окраинах Багдада, где расположены принадлежащие государству электростанция, завод по выделке ваты и несколько строительных организаций. Во время поездки по стране мы часто видели вблизи селений недавно прорытые небольшие оросительные каналы, снабженные дощечками с надписью «Министерство аграрной реформы». Эти каналы орошают землю тех крестьян, которые недавно получили ее в соответствии с положениями изданного сразу после революции 1958 г. закона об аграрной реформе или согласно тому же закону стали арендовать землю не у помещика, а у государства.

Мы убедились в том, что палестинская проблема ощущается в Ираке не менее остро, чем в непосредственно граничащей с Израилем Сирии. Кстати, Ирак — одна из немногих арабских стран, которые никогда не подписывали перемирия с Израилем. Во время встречи группы советских востоковедов с членами Ассоциации

иракских адвокатов ее председатель Фаик ас-Самаррай, видный юрист и общественный деятель, многое сказав о помощи СССР арабам в деле национального освобождения, особый упор при этом сделал на «священные права арабов Палестины, до сих пор попираемые захватчиком». Если вспомнить, что это говорилось до июня 1967 г., то станут ясны сегодняшние настроения в Ираке, где еще с 30-х годов глубоко переживали все палестинские события.

Хочется сказать особо о помощи СССР Ираку. Речь не идет о том, чтобы называть цифры и перечислять, какие экономические объекты в Ираке созданы при содействии СССР. Во время поездки по Ираку мы буквально всюду видели конкретные доказательства советской помощи. Например, упоминавшаяся железная дорога Багдад — Басра выстроена с помощью советских специалистов. На новостройках Ирака повсеместно используются советские краны, и наш гид был в восторге от советских крановщиков, с которыми ему пришлось работать в качестве переводчика. В Самарре, недалеко от спиралевидной башни Мальвийи, высятся корпуса нового завода антибиотиков, возводившегося в 1967 г. с помощью СССР*. В Багдаде таких объектов еще больше: от радиостанции и атомного реактора до обувной фабрики, не говоря уже о крупнейшем на всем Ближнем Востоке электротехническом заводе.

Основная масса иракцев очень тепло относится к Советскому Союзу. В советском культурном центре в Багдаде, выходящем на набережную Абу Нуваса, всегда много посетителей, и одно лишь упоминание о Великой Октябрьской революции вызывает аплодисменты. Большой интерес багдадской общественности вызвали доклады о жизни мусульман в Советском Союзе, об экономике СССР, об изучении у нас арабского языка и истории арабов. Эти доклады, прочитанные в советском культурном центре и различных общественных организациях (в частности, в упоминавшейся ассоциации адвокатов), привлекли внимание представителей самых различных кругов населения.

Было бы неправильно сбрасывать со счета и попытки империалистов противопоставить растущему влиянию

* В 1968 г. строительство этого завода было закончено.

СССР свое идейное воздействие на умы иракцев. Мысль об этом, в частности, приходила нам в голову, когда мы проезжали по дороге в Ктесифон мимо университета Аль-Хикма. Зубчатые, под «восточный стиль» стены и регулярно вывешиваемый иракский флаг как бы маскируют подлинный характер этого учреждения, управляемого гражданами США. Аль-Хикма пытается, правда без особого успеха, копировать американский университет в Бейруте. Не следует также забывать, что на нефтеносных землях Ирака уже много десятилетий подвизается крупнейшая международная монополия «Ирак петролеум компани», прямо заинтересованная в максимальном сохранении отсталости страны, т. е. в консервации наилучших условий для продолжения грабежа природных богатств Ирака. Недавнее создание Иракской национальной нефтяной компании и установленное ею техническое сотрудничество с соответствующими советскими организациями — лишь первые шаги к ликвидации зависимости Ирака от иностранных нефтяных «королей».

В подобных условиях рост экономических и культурных связей между СССР и Ираком, крепнущая дружба наших народов особенно ценны. Они являются залогом быстрого продвижения иракцев в завтрашний день, который должен принести стране материальный и социальный прогресс, избавление от оков экономической отсталости и остатков зависимости от иностранного капитала, подъем духовной культуры народа.

Ростки будущей жизни видны повсюду. Это новостройки современных промышленных предприятий, народные библиотеки, школы (в том числе для девочек) и сооруженная при содействии советских специалистов фабрика в Кербеле, население которой известно не только шиитским традиционализмом, но и левыми политическими настроениями. Это контроль государства над командными высотами в экономике, официально провозглашенная линия на построение социализма (тесно увязываемого в Ираке с идеями арабского национализма и арабского единства) и создание общества социальной справедливости, а также твердый антиимпериалистический курс внешней политики Ирака, подкрепляемый его дружественными связями со странами социализма.

Мы расставались с Ираком, переполненные яркими

и разнообразными впечатлениями от Багдада, Самарры, Кербелы, Вавилона, пресыщенные легендами и фактами, а более всего — глубоко и искренне заинтересованные тем, как дальше сложится судьба древнего Двуречья, как будет жить много боровшийся, много перетерпевший и многое заслуживший иракский народ. Все, что мы видели и слышали на берегах Тигра и Евфрата, настраивало нас оптимистически. Мы мысленно посылали наилучшие пожелания солнечной земле дружественного Ирака, остававшейся далеко внизу, под крылом самолета...

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ИТОГЕ

Рассказ о путешествии к арабам Азии закончен. Автору довелось повидать лишь очень небольшую долю того, с чем стоит ознакомиться на Арабском Востоке. Возможно и даже неизбежно, что другому путешественнику бросятся в глаза совершенно иные краски и особенности жизни арабов, нежели те, о которых здесь шла речь. Автор писал о том, что́ ему представлялось не только интересным, но и принципиально важным.

Нынешние отличия в общественной структуре, уровне социального развития и характере политических режимов Сирии, Ливана и Ирака не случайны. Они непосредственно вытекают из различия географии, экономики и истории этих стран, различия внешних влияний, во многом определивших их судьбу.

Сирия, всегда бывшая одной из наиболее экономически и культурно развитых арабских стран, в период мандата испытала не только воздействие колониализма и капитализма. Вместе с насаждавшимися здесь европейской культурой и образованием на французском языке в среду местного населения проникали идеи буржуазной демократии и гражданского самосознания, характерные для политической жизни метрополии. Национально-освободительное и рабочее движение Сирии пользовалось сильной поддержкой демократического и рабочего движения во Франции. В силу ряда благоприятных обстоятельств, прежде всего исторической победы СССР во второй мировой войне и решительной поддержки Советским Союзом справедливого дела сирийского народа, Сирия одной из первых среди арабских стран стала фактически (а не только формально) самостоятельной и не связанной никакими кабальными договорами. Это позволило ей полностью национализировать

инострannую собственность раньше, чем такая мера была осуществлена в любой другой арабской стране. Кроме того, за сравнительно долгий период независимого существования Сирии стоявшая у власти национальная буржуазия успела себя основательно скомпрометировать, продемонстрировав алчность, эгоизм и пренебрежение к насущным требованиям трудового народа, а также нежелание и неспособность хоть чем-то поступиться ради общенациональных интересов.

Все сказанное, как представляется, может хотя бы в некоторой степени объяснить силу демократических традиций и революционных тенденций в современной Сирии. Разумеется, это не означает, что развитие страны в прогрессивном направлении проходит беспрепятственно и уже приняло необратимый характер. Говорить так было бы преждевременно. В стране идет борьба за лучшую жизнь, и это заметно всякому, кто побывал в Сирии. Вместе с тем никто уже не может отрицать, что сирийский народ добился серьезных успехов.

Ливан, наиболее богатая и противоречивая из рассматриваемых трех стран, максимально использует свои преимущества перед прочими государствами арабского мира: выгодное для транзитной торговли географическое расположение, как бы созданные для туризма климат и рельеф, высокое развитие и концентрацию банковского дела, позволяющие Ливану быть посредником и казначеем для всего арабского мира. То, что Ливан — самая капиталистическая из арабских стран, очевидно, может быть объяснено его более ранним втягиванием в мировые коммерческие связи, чему немало должны были способствовать его исторически сложившаяся роль «перекрестка цивилизаций», давние культурно-религиозные связи с Западом и прибыльность торговой деятельности ливанских эмигрантов в других странах. Для Ливана характерны культ предпринимательского «просперити» и стремление сохранить свое благополучие. В Ливане есть силы, выступающие с позиций антиимпериализма, арабского патриотизма и даже антикапитализма. Но в целом в этой стране прозападная ориентация еще очень сильна. И это резко отличает Ливан от соседней Сирии, с которой у Ливана много общего в историко-культурном и этническом плане.

Ирак не схож ни с одной из рассмотренных выше

стран прежде всего в силу большей традиционности и неподвижности форм общественного бытия, не говоря уже о других его особенностях, связанных со специфической долины Тигра и Евфрата, исторической ролью Двуречья, влиянием соседнего Ирана. Будучи, к примеру, страной не менее пестрой в этническо-религиозном отношении, чем Ливан, Ирак характеризуется большой остротой национальных конфликтов и высокой степенью религиозной нетерпимости. Сохранение родо-племенных обычаев, ничтожное влияние (а иногда просто отсутствие) «иностранщины» в быту и культуре также отличают Ирак и от Сирии и от Ливана. Причин тому много, и обо всех не скажешь. Бесспорно, на судьбе Ирака не могли не сказаться века разрушительных нашествий, а в новое время — отдаленность от важнейших мировых коммуникаций. Но, очевидно, многое объясняется и тем, что почти 40 лет страна находилась под гнетом британского империализма, сознательно консервировавшего унаследованную от периода османского ига экономическую и социальную отсталость Ирака, поощрявшего феодально-бюрократические методы управления и отнюдь не желавшего усвоения местными жителями достижений европейской культуры, науки и техники. Последствия колониального этапа сразу не исчезают. В то же время Ирак являет собой примечательный пример страны, находящейся в процессе успешной ликвидации колониального наследия.

Таковы некоторые обобщения, сделанные автором после поездки по трем странам Арабского Востока. Основной вывод — между арабскими странами Азии (так же, как и Африки) существуют исторически сложившиеся серьезные различия, которые нельзя игнорировать. Вместе с тем у всех арабов налицо горячее стремление к объединению, которое в наши дни сплачивает арабский мир в борьбе против империализма Запада и экспансионизма правящих кругов Израиля.

Различия между арабскими странами, о которых речь шла выше, сами по себе не могут быть непреодолимой преградой к их единству. Главным препятствием являются противоречия между прогрессивными и реакционными режимами, существующими в разных арабских странах, между антиимпериалистической и проимпериалистической внешней политикой тех или иных арабских

правительств. При этом различия в уровне экономического и социального развития, в сущности политического строя или этнографической специфики играют роль дополнительных барьеров.

Данная книга не является научным исследованием или в какой-либо степени полемическим произведением. Поэтому в ней нет детально обоснованной аргументации в защиту той или иной точки зрения. Сам жанр путевых заметок допускает лишь краткое изложение наблюдений и размышлений автора. Поэтому если настоящие очерки и содержат какие-либо аргументы в пользу изложенных выше взглядов, то лишь те, которые подсказаны личным знакомством с фактами.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Сирийские встречи	6
В Дамаске	7
Приметы далекого прошлого	13
Сегодняшний день	26
Наша дружба	33
В стране кедров	37
Университетская дискуссия	39
На пути через горы	46
Легенды и памятники	50
В деловом Бейруте	57
Ливанские парадоксы	64
Между Тигром и Евфратом	73
На реках вавилонских	74
Арабы Двуречья	80
Город «Тысячи и одной ночи»	84
От Вавилона до Самарры	91
Святыни шиитов	98
Вчера и завтра	106
Размышления в итоге	114

Роберт Григорьевич Ланда

У АРАБОВ АЗИИ

Путевые заметки

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *И. М. Дижур*
Художник *И. Р. Бескин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректор *А. И. Киселева*

Сдано в набор 26/III 1969 г.
Подписано к печати 12/VI 1969 г.
А-02397. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 3,75. Усл. п. л. 6,3
Уч.-изд. л. 6,51.
Тираж 40 000 экз. Изд. № 2241.
Зак. 345. Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 4

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена ~~85~~ коп.